

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
17**

**МОСКВА
2016**

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),

д.и.н. О.А. Плотникова,

к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,

к.и.н., доц. О.И. Елисеева,

к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),

д.и.н., проф. С.В. Алексеев,

д.и.н. А.П. Богданов,

д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,

д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,

д.и.н., проф. С.И. Реснянский,

д.и.н. А.Б. Ручкин

Историческое обозрение. Вып. 17. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2016. — 54 с.

Шестнадцатый выпуск ежегодного альманаха включает публикацию нескольких докладов на научной конференции «Славяно-русская аристократия», состоявшейся в декабре 2015 г.

© Авторы статей, 2016

Издательство Национального института бизнеса

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6

Подписано в печать 08.08.2016. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ», ДЕКАБРЬ 2015

Алексеев С.В. Зарождение аристократии в славянском обществе: Древняя Русь и средневековая Сербия	4
Володихин Д.М. Военная деятельность князя Александра Владимировича Ростовского, наместника псковского и новгородского	8
Подчасов Н.А. Служилая биография князя Ф.М. Трубецкого как представителя военной элиты России второй половины XVI в.	34
Гуларян А.Б. М.А. Стахович: опыт политической биографии	42

РЕЦЕНЗИИ

Володихин Д.М. Один из древнейших памятников южнославянской ранне-средневековой историографии получил академическое издание	49
Сведения об авторах и аннотации статей	51
Правила представления рукописей авторами	53

С.В. Алексеев

**ЗАРОЖДЕНИЕ АРИСТОКРАТИИ В СЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ СЕРБИЯ**

История складывания аристократии у славян довольно плохо обеспечена источниками — как письменными, так и археологическими. Имущественное расслоение и профессионализация у славян прослеживается плохо вплоть до предгосударственных веков, а то и десятилетий. Иностранные письменные источники весьма скудно освещают внутреннюю жизнь славянского общества ранее IX в. вообще, и социальную структуру в частности. На взгляд византийских авторов, как известно, у славян царили «народоправство» или даже «безвластие». Все это вело к предположениям о действительно довольно демократичном характере общественного устройства у славян, о существовании ими военно-политической элиты извне. Как источник чаще всего указываются германские племена, а в качестве доказательства чаще всего указывается на германское происхождение слов «князь», «витязь» и некоторых других. Стоит оговориться, однако, что слова эти были заимствованы задолго до выхода славян на большую историческую арену, из древних западногерманских языков на рубеже нашей эры.

Правда, по всей вероятности, заключалась в том, что переселения народов в Восточной Европе часто приводили к частичной утрате праславянами самостоятельности (при нашествиях германцев, кельтов, гуннов). После этого происходило естественное воссоздание общественно-«политической» системы племенного строя, включая и военную знать, — с неизбежным восприятием до того чуждых элементов. В качестве «исторического» примера уже в государственную эпоху можно привести влияние военно-политической системы Орды на русские княжества в XIII–XV вв. Это, однако, не означает, что у славян не существовало собственных вождей и собственной военной знати. Изучение других индоевропейских народов на различных стадиях догосударственного и предгосударственного общества подтверждает это. Специализация отдельных родов на военном деле и простейшем племенном администрировании восходит ко временам расселения индоевропейцев или более ранним. При любых социальных и внешних потрясениях военно-административная «каста» в первобытных индоевропейских обществах сохранялась в той или иной форме, либо воссоздавалась после временной утраты независимости.

Автор этих строк показывал механизмы такой эволюции у славян, — через имущественное расслоение, деятельность ритуальных и воинских союзов, — в прежних работах (Алексеев, 2009; Алексеев, 2015а). Здесь хотелось бы поговорить о более позднем периоде, уже о времени складывания государственности у славян. Именно тогда первобытная воинская знать превращается в правящий слой государства, землевладельческую аристократию, в аристократию в собственном смысле слова.

Хотелось бы, конечно, в подробностях представить этот процесс на древнерусском материале. Однако Русь ключевого в этом смысле периода IX–XI вв. весьма бедна документальными источниками. Сведения летописных, житийных, законодательных памятников на интересующую нас тему отрывочны. Они скорее фиксируют результаты процесса, чем его ход. Потому и соотношение, например, племенной т.н. «земской» знати и княжеской дружины между собой, их роль в складывании русского боярства, вызывают споры ученых уже больше столетия.

Однако для исследователя древнерусских и иных славянских древностей имеется достаточно надежный сравнительный материал. В силу целого ряда географических и исторических причин культура и общество средневековой Сербии сохраняли архаический во многих отношениях облик до XIV в. Сербское общество XII — начала XIV в. (отсутствие или небольшая роль городов, сохранение родоплеменной структуры при наличии уже государства и письменности) во многих отношениях напоминает Русь X в. При этом достаточно развитая (в основном в сербском монастыре Хиландар на Афоне) повествовательная литература (см.: Алексеев, 2015б), возрастающее количество сохранившихся государственных актов (см.: Сборник, 2011; Стојановић, 1929, 1934; Monumenta, 1858; Младеновић, 2003, 2007) позволяют представить общество Сербии гораздо подробнее. Более того, в результате османского завоевания произошло «замораживание» или даже воссоздание родоплеменного устройства, особенно в приморских сербских областях — Черногории и Герцеговине. Материалы отсюда, доступные в подробных научных записях и разработках XIX и отчасти XX в., хорошо дополняют данные средневековых источников.

Прежде всего, хотелось бы отметить одно существенное отличие сербского пути формирования правящего слоя от древнерусского. В Сербии вплоть до XIV в. аристократия складывалась исключительно на местной основе. Русь же, как минимум ввиду своего появления на перекрестке торговых путей (не хотелось бы касаться бессмысленной и вредной дискуссии о «норманизме»), вобрала в себя различные этнические элементы. Это не могло не отражаться на составе княжеской дружины, и, соответственно, удельном весе пришлых, не относящихся к «земской» знати в аристократическом слое молодого государства. Такую картину мы и наблюдаем в договорах Руси с Византией. Однако сербский материал свидетельствует, что иной путь не только не был закрыт, но являлся для славянского общества закономерным и естественным. Не вызывает особых сомнений, что родоплеменная знать славян в ходе формирования государств преобразовывалась в аристократию вполне прямым путем.

Сербские «благородные» (южнославянский и особенно сербский библеизм для обозначения высокородных, перешедший затем и в русский язык) являлись потомственной военной знатью. Те из них, кто служил в королевской дружине, как правило, происходили из родовитых домов на местах. На местах же, как видно из приморских материалов нового времени, знатными считались те роды, которые из поколения в поколение держали титулы и функции племенных князей и воевод. Следующий уровень, часто занимаемый боковыми и младшими членами тех же фамилий, составляли племенные дружинники, бойцы постоянно вооруженного профессионального авангарда племени (байрактары-знаменосцы в Черногории).

Очевидно, такой же «в норме» являлась ситуация и на Руси. По мере славянизации господствующего слоя, к XI в., на первый план здесь в княжеской дружине и администрации выходят явные выходцы из «земской» знати, носители громких двусоставных «княжеских» имен. Исключение могли составлять только свойственники правящей династии.

Для складывания устойчивой аристократической элиты, профессиональных воинов и управленцев на службе государства, последнему необходимо было обеспечить ее существование в новых условиях. С одной стороны, и на Руси, и в Сербии известно передоверие правителем своих функций по сбору дани и управлению своим приближенным и иным знатным людям. С другой, — происходил закономерный процесс преобразования родовой знати на местах в землевладельцев. Обязанности общин содержать «своих» воинов преобразовывались в отношения зависимости и данничества. Но последний путь был более длительным и затруднительным в силу всеобщего вооружения

общинников (в Сербии, где было возможно, сохранявшегося до нового времени) и прочности родового обычая.

Потому главным путем формирования земельных владений аристократии являлось покорение новых земель (в том числе собирание этнической территории в единое государство). Сравнение с Сербией в целом подтверждает правильность теорий, согласно которым на Руси при покорении великим князем племенных земель происходило их «окняжение». Население земель становилось тогда зависимыми от князя «смердами», власть над которыми затем могла быть передоверена приближенным князя — дружинникам, администраторам, местным сторонникам. В итоге на Руси XI в. имелось две главные категории сельского населения — «смерды» и считавшиеся всецело свободными «люди». «Смерды» были обязаны не только данью, но и воинской повинностью, а иногда и иными.

Во многом это напоминает сербскую ситуацию, где «смердам» соответствуют, однако, «влахи». «Влахи» со своей землей находились фактически в собственности главы государства, который мог их жаловать и переселять, — но при этом обладали самоуправлением, причем их вожди носили даже титул «кнезов». Изначально «влахи» были, очевидно, действительно исключительно или в основном влахами, — т.е. потомками подчиненного сербами романского населения. Однако в XIV в. это понятие распространилось на всех, кто вел «влашский», т.е. преимущественно скотоводческий образ жизни. Меры государственной власти были нацелены на то, чтобы прикрепить «влахов» к определенной территории, контролировать и использовать их в интересах государства и его элиты. При всей сербской специфике, ясно, что здесь есть отсылки к общеславянским реалиям — прежде всего, указание на изначально иноплеменное происхождение лично-зависимого населения, «смердов».

Последствия выделения воинско-земельной аристократии были сходными в Сербии и на Руси — а по большому счету везде в мире, где складывались системы «феодалного» типа. С одной стороны, происходила профессионализация военного дела, постепенный уход от войны ополчений к войне дружин. При этом правящий слой представлял как профессиональных воинов, так и профессиональных полководцев. В обеих странах известны целые династии, поставившие военачальников, — и не только военачальников, но и администраторов и дипломатов. Второй профессией новой элиты являлось администрирование, — комплекс навыков которого был необходим «земской» знати, сербской «властеле», для управления родовыми волостями на местах. Потому верховная государственная власть набирала из рядов «властелы» не только дружинников и воевод, но и «гражданских» управленцев для центра и мест. Впрочем, в средние века гражданская и военная власть чаще всего не разделялись, и для «благородного» гражданская служба была временным отдыхом от военной. Этими путями и складывалось боярство (в Сербии «боляре», но чаще «вельможи») — аристократия в узком смысле слова, облеченная одновременно родовитостью, богатством и властью в общегосударственном масштабе. Все достижения во внутренней, внешней и завоевательной политике средневековых государств — а они были заметны и для Руси, и для Сербии, — были бы невозможны без прямого участия и заслуг этих людей.

Но были и побочные эффекты, особенно заметные в обществе еще несвободном от первобытной архаики, каковы были ранняя Русь и Сербия практически всего средневековья. Прежде всего, аристократия, являясь потомками суверенов небольших родоплеменных «волостей», сохраняла стремление к автономии и крайнее своеобразие. Новый государственный порядок мог и поколения спустя после создания государства восприниматься как результат насилия, а права главы государства — нарушающими неписанный закон и завышенными. Знать могла отказывать правителю в повиновении даже во время войны, как минимум уклоняясь от выступления в поход под его знаме-

нем. Крайней же формой неповиновения, в которой соединились представления дружинников о праве сместить несправляющегося вожака и амбиции «земской» знати, были прямые предательства, мятежи и перевороты. Обычно при этом на смену свергаемому правителю выдвигался другой представитель правящего рода, — иногда почти против собственной воли.

История средневековой Сербии пестрит подобными ситуациями. Из 9 королей и царей Сербии XIII–XIV вв. 5 захватили власть силой, 5 были свергнуты с престола, а еще один вынужденно отрекся от него. Во всех случаях «властела» служила агрессивной движущей силой перемен. Внешне это несколько отличается от истории Руси X–XI вв. в канонических представлениях. Однако если взять правителей Руси X в., то мы увидим, что из 5 трое погибли насильственной смертью, обстоятельства смерти одного (Олега) легендарны и достоверно неизвестны. При этом Игорь пал жертвой племенного мятежа, Святослав погиб в бою с печенегами, будучи фактически брошен частью дружины во главе с воеводой, а Ярополк пал жертвой известного предательства. Владимир Святой умер, подавив мятеж одного сына и столкнувшись с мятежом другого, причем мятежников поддерживало боярство, и не только местное, удельное. Опорой Святополка Окаянного была княжеская резиденция Вышгород под Киевом и здешние «бояричи». Именно это своеволие высшей знати во многом обусловило последующее удельное дробление Руси и многочисленные смуты в возникших новых «великих княжествах».

Противоречивость роли аристократии в государственном строительстве, — характерная черта всех государств средневековья. Эта роль и обусловила в конце средневековья в различных государствах Европы успешное «искушение» монаршей власти абсолютизмом. Русь, несмотря на утраты времен монгольского владычества, устояла до этого времени и вступила в новый, уже не средневековый период своей истории. Сербия, несмотря на упорное сопротивление, была сломлена турками-османами, в немалой степени ввиду распада единого государства и непрекращающихся внутренних смут. Возрождение сербской государственности произошло только в новое время, а новое и оказавшееся временным объединение сербских земель — лишь в XX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев С.В. Славянская Европа V–VIII вв. М.: Вече, 2009
- Алексеев С.В. Праславяне: опыт историко-культурной реконструкции. М.: Академический проект, 2015.
- Алексеев С.В. Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв. Жития. Родословы. Летописи. М.: Историко-просветительское общество «Радетель», 2015.
- Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника. Књ. 1. 1186—1321. Београд: Историјски институт, 2011.
- Младеновић А. Повеле кнеза Лазара. Београд: Чигоја Штампа, 2003
- Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. Београд: Чигоја Штампа, 2007
- Стојановић Љ. Старе српске повеље и писма. Књ. 1: Дубровник и суседи његови. Прво део. Београд; Сремски Карловци: Српска краљевска академија, 1929.
- Стојановић Љ. Старе српске повеље и писма. Књ. 1: Дубровник и суседи његови. Други део. Београд; Сремски Карловци: Српска краљевска академија, 1934.
- Monumenta Serbica. Vienna, 1858.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА РОСТОВСКОГО, НАМЕСТНИКА ПСКОВСКОГО И НОВГОРОДСКОГО

Князь А.В. Ростовский — одна из самых ярких фигур в плеяде даровитых военачальников, которыми столь богаты были правления Ивана III и Василия III. В научной исторической литературе он часто упоминается в связи с боевыми действиями в рамках московско-литовского, а также московско-казанского вооруженного противостояния. Однако специальных работ, посвященных этому полководцу, как ни странно, нет.

Можно упомянуть, разве что, обширный пассаж о военно-политической деятельности князя в монографическом труде А.А. Зимина (Зимин, 1988: 81–82; см. также ссылки 77, 78, 79). Ученому удалось установить ряд фактов, касающихся биографии князя. В частности, А.А. Зимин считает, что князь А.В. Ростовский прославился как воевода «во время с Литвой 1500—1503 гг.», и это полностью подтверждается источниками; по словам исследователя, «вероятно... с 1515 до декабря 1522 г. он наместничал в Новгороде. В 1517/1518 г., возможно, выполнял функции дворецкого. В Новгороде он был, во всяком случае, в марте-сентябре 1516 г., январе-марте, июле 1517 г., 1518/1519 г., феврале и сентябре 1521 г. и декабре 1522 г. В 1519/1520 г. находился с М.В. Тучковым на Луках. Здесь в сентябре 1521 г. А.В. Ростовский вместе с М.Я. Морозовым заключает перемирие с Ливонией. Вскоре после этого он умирает... Один из крупнейших полководцев — кн. Александр Ростовский фактически был отстранен от всех других (кроме военной) видов государственных дел в Москве, но сохранил свое влияние благодаря тому весу, который приобрел и по своему происхождению, и из-за длительного пребывания на посту новгородского наместника (в 1517/18 г. посельской князя А.В. Ростовского производил разъезд земель в Переяславском уезде)».

Два наиболее значительных назначения князя в административной сфере — наместничество в Новгороде, а также, ранее, наместничество во Пскове, где он пробыл с марта 1496 г. по март 1501 г. (Псковская 1-я летопись, 2003: 82, 84). Однако наибольших успехов достиг на военном поприще. Эта сторона его деятельности не изучена, именно ей и посвящена данная статья.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОЛКОВОДЦА

Впервые князь появляется в разрядах под 7000-м (1492/1493) годом (Разрядная книга, 1966: 22; Разрядная книга, 1977: 31).

В качестве первого воеводы передового полка большой пятиполковой армии Александр Владимирович участвует в походе «в Северу». Возглавляет армию князь Д.Д. Холмский.

Воскресенская летопись сообщает, что знаменитый поход на Мценск, коим многие специалисты по истории московско-литовских войн открывают большую войну 1492—1494 гг., осуществлялся в августе 1492 г. и закончился взятием города (Воскресенская летопись, 1859: 225). Мценск брал воевода князь Федор Васильевич Оболенский-Телепень (или Телепнев). Он состоял в той же пятиполковой рати первым воеводой сторожевого полка. Если Мценск был взят столь незначительными силами, то неизвестно, какое применение нашли прочие полки. Возможно, они не трогались с места, или, зайдя на литовскую территорию, по терминологии того времени, «распустили войну», т.е. разорили пограничные места и взяли «полон». Но есть и другой вариант: во время переговоров в ноябре 1492 г. литовский дипломатический представитель Иван Владычка заявил, обращаясь к Ивану III: «Пришла к нам весть, што люди твои, в голо-

вах князь Федор Оболенский, приходил со многими людьми войною безвестно, и города наши Мценск и Любутск зжог, и наместника нашего мценского и любутского Бориса Семеновича свел, и бояр мценских и любутских з жонами и з детьми и иных многих людей головами в полон повели, и животы и статки побрали» (Сборник, 1882: 73). Расстояние между Любутском и Мценском огромное, около 130 км по прямой, а это 3-4 дня конного хода. Маловероятно, чтобы князь Ф.В. Оболенский оперировал на обоих направлениях. Видимо, под Любутском осуществляли тактическую работу другие части из состава армии князя Д.Д. Холмского. Возможно, и передовой полк.

Основываясь на этой дате, — лето 1492 года — можно строить предположения о возрасте князя А.В. Ростовского. Служба для представителей сословия «служилых людей по отечеству» в то время начиналась с 15 лет. Следовательно, князь не мог родиться ранее 1478 года. Однако назначение на должность первого полкового воеводы в столь юном возрасте вряд ли возможно, даже учитывая незаурядный уровень знатности Александра Владимировича. Отец князя А.В. Ростовского, князь Владимир Андреевич Ростовский, как пишет тот же А.А. Зимин, еще в ноябре 1458 г. был вассалом Василия Темного. В 1474 г. именно он во главе семейства Ростовских князей продал свою половину Ростова Ивану III. Тот отдал ее вдовствующей княгине (Марфе), а после ее кончины (1485 г.) Ростов вошел в состав великокняжеских земель (Зимин, 1988: 77–78). В Ростовском княжеском доме Александр Владимирович занимал высокое место, хотя и не возглавлял его (как минимум, в первой половине 1490-х гг. еще был жив князь А.И. Ростовский по прозвищу Хохолок, а он старше Александра Владимировича генеалогической ветвью¹). Повторимся: первое крупное воинское назначение едва ли могло быть дано князю в возрасте, когда он едва вышел из отрочества. Следовательно, скорее всего, Александр Владимирович родился несколькими годами ранее, наиболее вероятно, — в первой половине 1470-х гг.

Стоит обратить внимание на то, в каких обстоятельствах начинал воеводскую службу Александр Владимирович.

Разветвленный дом Ростовских Рюриковичей должен был искать свое место в составе служилой аристократии при дворе Ивана III. Статус удельных князей остался для него в прошлом, а вот его будущность зависела теперь от того, сколь успешно его ведущие представители встроятся в механизмы московской службы, каким будет их новый статус. В свою очередь, для Московской державы актуальным был вопрос о том, как отбирать представителей подобных семейств в состав военно-политической элиты. Местнической иерархии еще не существовало, она только-только начала формироваться при жизни князя А.В. Ростовского. Москва должна была нарастить состав военно-политической элиты, поскольку задачи, которые теперь, после создания централизованного Русского государства, решали ее правители и правительство, многократно увеличились в масштабах. Но отбор выходцев из бывших удельных князей Рюриковичей, Гедиминовичей, их боярства и выезжих иноземцев на высшие ступени правящей элиты еще не завершился, он как раз набирал обороты. Личная лояльность государю и личные таланты в ту пору могли высоко поднять не только самого знатного служильца, но и дать всему его роду твердое положение при дворе, в административной и военной системе Московского государства...

¹ У обоих общих предков — ростовский князь Андрей Александрович. Но ветвь Хохолоков или Хохолоковых (Хохолкиных) восходит к его первенцу Ивану Брюхатому, а князь Александр Владимирович и его старший брат Владимир — дети четвертого сына. У самого Александра Владимировича было два сына: Иван и Василий (Памятники, 2011: 41, 42).

Возвращаясь к Александру Владимировичу: от него и его ближайшей родни зависело, какие позиции займет в среде русской служилой аристократии. Фактически решалась судьба семейства на несколько поколений вперед.

В ходе той же московско-литовской войны 1492—1494 гг. князь отправился как первый воевода передового полка пятиполковой армии отбивать у литовцев города Мезецк и Серпейск, ранее занятые союзником Ивана III, князем С.Ф. Воротынским, а потом вновь захваченные литовцами. 29 января 1493 г. рать вышла из Москвы (Разрядная книга, 1966: 22). Мезецк сдался без боя, Серпейск оказал сопротивление и был взят штурмом, под грохот канонады. Попало в плен множество воинов, в том числе и военачальники неприятеля.

Московскую армию сопровождали войска рязанского князя Федора Васильевича, а также отряды союзных князей — Воротынских, Одоевских, Белёвских, Михаила Мезецкого. Именно в связи с их участием в кампании Александру Владимировичу выпала первая в его воеводской судьбе серьезная роль по части управления крупным, пестрым по составу полевым соединением. Вместе с командующим он должен был «...полки пересмотреть, да в котором полку будет людей мало... в тот полк людей прибавить» (Там же: 23). Иными словами, равномерно распределить силы союзных войск меж пятью дисциплинированными и приученными к подобному тактическому делению московскими полками.

Осенью 1495 года князь А.В. Ростовский сопровождает Ивана III в его походе к Новгороду Великому. Этот поход — часть русско-шведской войны. Великого князя московского сопровождали войска и значительная свита. В ее составе, среди «князей и детей боярских», ездящих при государе, оказался и Александр Владимирович (Там же: 25; Разрядная книга, 1977: 45; Воскресенская летопись, 1859: 230). Для него эта война оказалась началом масштабной воинской деятельности на новом фронте.

Недавно русские войска потерпели поражение, пытаясь взять шведский Выборг. Успех вызвал в шведском рыцарстве ликование. Тем неожиданнее и неприятнее был для него поход-реванш, предпринятый русскими воеводами по распоряжению Ивана III зимой 1495/1496 года. История Гамской кампании уже освещалась К.В. Базилевичем (Базилевич, 2001: 344–345). Судя по русским источникам, удар был направлен «...на Корелу, да к Новгороду немецкому (Город Ньюшлот. — *Д.В.*) на Гамскую землю». Возглавили армию на 4 полка князь В.И. Косой и А.Ф. Челяднин. Александр Владимирович командовал передовым полком. Поход продлился с января 1496 г. по март. Итог его был удачным: «Ходиша до Гамецкого города, землю немецкую сотвориша пусту, жгоша и секоша, и в полон множество ведоша, и заставу их побиша. И приидоша к великому князю в Новгород... все здравы с полоном многим» (Разрядная книга, 1966: 26–27; Разрядная книга, 1977: 49; Воскресенская летопись, 1859: 231). Разгромленная русскими «застава», по шведским источникам, как уже заметил Базилевич, являлась отрядом Кнута Карлсона, состоявшим из 70 бойцов и почти полностью уничтоженным. Русские воеводы спалили Тавастгус, заняли Хатулу, разорили Карелию вплоть до Або. Иван III, удовлетворенный подобным исходом военного предприятия, в марте 1496 года убыл из Новгорода в Москву.

Приняв участие в трех боевых походах как полковой воевода, князь А.В. Ростовский получил бесценный опыт наступательных действий и управления войсками. Не видно, чтобы он играл какую-то самостоятельную роль (за исключением 1493 года, когда он занимался распределением сил московских союзников по полкам); во всяком случае, источники этого не показывают. Пока идет становление его как военачальника.

Вернувшись в Новгород, Александр Владимирович сразу же получил высокое, можно сказать, завидное назначение — наместником во Псков. Очевидно, его действиями в походе против шведов Иван III остался доволен.

Во Пскове он первое время выполняет ту же задачу: противостоит шведам. Вражеское воинство летом 1496 г. захватило недавно построенный на реке Нарове Ивангород и учинило там настоящую бойню.

Ю.Г. Алексеев считал главной причиной этой неудачи отсутствие «морской силы», которая могла бы бороться со шведской флотилией, препятствовать высадке десанта; впоследствии этот урок был в какой-то степени усвоен: «стеречь Ивангород» отправили устюжан и двинян, имевших широкий опыт мореплавания на лодьях (Алексеев, 2010: 10). Но этот произойдет лишь в 1501 г., а пока отражать шведов пришлось традиционными методами.

Александр Владимирович вынужден был спешно собраться со псковичами, не дожидаясь помощи из Москвы, и выставить заслон на пути шведов. На протяжении всей осени 1496 г. он стоял с городским ополчением в поле под Гдовом, не позволяя шведам продвинуться дальше, но и не предпринимая активных действий — видимо, за недостатком сил. Во всяком случае, источники не упоминают ни боев, ни потерь от противника, ни взятого у шведов «полона»; показательно, что между Гдовом и Ивангородом — около 80 км по прямой (Псковская 1-я летопись, 2003: 82).

Шведы разрушили крепость и вернулись домой, также, надо полагать, не обладая достаточными силами для масштабного наступления.

В 1497 г. было заключено перемирие. Однако, как пишет К.В. Базилевич, «продолжались... пограничные стычки» (Базилевич, 2001: 348–349). Весной 1498 г. чуть не дошло до новой большой войны: по указу Ивана III наместник псковский вновь выдвигался с городским ополчением к Ивангороду «на съезд» и стоял на Плюссе. Весь поход занял две недели, боевые действия вести не пришлось. Как сообщает псковская летопись, «...и поехаша прочь, не управив ничего же, приехали все здоровы» (Псковская 1-я летопись, 2003: 82–83).

Итак, к началу большой московско-литовской войны 1500—1503 гг., когда воинское дарование Александра Владимировича развернулось в полной мере, за ним числится как минимум 5 операций, в рамках которых князь выступал либо как полковой воевода в составе крупного полевого соединения, либо как командующий подобного соединения. Попробовал себя и в наступательных действиях, и в оборонительных. Это солидный опыт, подготовивший князя А.В. Ростовского к самым известным победам его воеводской биографии.

ЛИТОВСКИЙ ФРОНТ: В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ

В 1499 году на службу Ивану III переходит несколько видных верховских князей, из-за чего разражается большая война с Литвой. Для Московского государства она принесла громадное расширение территории, большую воинскую славу и показала его военно-политическое могущество. А для Великого княжества Литовского это вооруженное противостояние обернулось растянувшейся на несколько лет катастрофой.

Война застаёт Александра Владимировича в должности псковского наместника. Он собирает псковичей и наносит удар по северо-восточным окраинам ВКЛ. Поход князя А.В. Ростовского совершался летом 1500 года, точнее указать затруднительно. Он довольно скупо освещен источниками, однако можно понять, что на сей раз полководец добился выдающегося успеха.

Ему удалось взять Торопец и пленить тамошнего литовского наместника князя Семена Соколинского; это произошло 9 августа 1500 года (Псковская 1-я летопись, 2003: 84; Сборник, 1884: 345; Разрядная книга, 1977: 57)¹. Поход рассматривался со-

¹ В разрядах встречается ошибочное отнесение этого похода к 1499 году (Разрядная книга, 1977: 55); однако разрядные книги пространной редакции в целом отличаются

временниками как крупное военное предприятие, он даже попал на станицы позднего новгородского летописания, крайне скудных известиями обо всем, что происходило за пределами Новгородчины. Его ставят в один ряд с известными событиями раннего этапа этой грандиозной войны — походами Якова Захарьина из Москвы, князя Даниила Васильевича Щени из Твери и Андрея Федоровича [Челяднина] из Новгорода (Летопись, 1879: 59).

Город Торопец — крупный административный центр, обладавший сильной (хоть и деревянной) крепостью. Удар в этом месте должен был весьма болезненно сказаться на общем, и без того крайне сложном положении Великого княжества Литовского. В 1503 году, когда было заключено мирное соглашение, Торопец с окрестными волостями перешел к Московскому государству (Базилевич, 2001: 464).

Весной 1501 года Александр Владимирович покинул псковское наместничество: его решили использовать прежде всего как искусного полководца на литовском фронте.

В апреле 1501 г. его прямо из-под Пскова перенаправили на другое направление: «А во Тверь отпустил князь великий сына своего великого князя Василья», — и одним из военачальников, окружавших наследника престола, оказался Александр Владимирович. Летом же (17 июня или, в другом разряде, июля) князь вместе с прочими воеводами получил распоряжение от Твери «иттить... на литовского короля». Он был тогда одним из воевод в большой рати, подчинявшейся видному полководцу князю Даниилу Васильевичу Щене (Разрядная книга, 1966: 31; Разрядная книга, 1977: 67). Исход похода не ясен, видимо, боевые действия ограничились масштабным разорением территории противника и быстро прекратились: уже в сентябре того же года князь получает новое назначение.

Годом ранее на сторону Ивана III перешли два удельных князя, контролировавших ключевые, стратегически важные города у «литовского рубежа»: князь Семен Иванович Можайский и князь Василий Иванович Шемячич. Прежде это были противники Москвы. Семен Иванович возглавлял войско, активно боровшееся за верховские городки в прошлую московско-литовскую войну. А теперь они отдали Москве под власть свои владения: Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч, Рыльск и Новгород-Северский. С их же помощью Иван III забрал у Литвы Путивль. В литовском доме как будто обрушилась стена. В обороне восточных рубежей появилась чудовищная брешь в несколько сотен километров. Закрывать ее было просто нечем. Великий князь московский склонен был использовать до последней возможности и эту брешь, и военные ресурсы новых своих полуподданных-полусоюзников. Осенью 1501 г. войска обоих князей по распоряжению Ивана были направлены к Мстиславлю, где стоял сильный литовский заслон: «Князь Михайло Ижеславский... да великого князя Александра Литовского воевода Остафей Дашкович з двором великого князя заставою и с желныри», — а также некий воевода Якуш Костевич (Летописный свод, 1963: 335; Воскресенская летопись, 1859: 240–241; Разрядная книга, 1966: 32).

Причина перехода князей на сторону Москвы лежит как в политической, так и в религиозной плоскостях. Великий князь литовский Александр предпринял действия, приведшие в итоге к самым плачевным для него последствиям. До конца XV в. нерушимость православия на русских землях Великого княжества Литовского была чем-то само собой разумеющимся. М. Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» писал,

обилием хронологических неточностей в ранней части (особенно период правления Ивана III и Василия III), походы и сражения «гуляют» на пространстве в два, а то и три года, порой повторяются. Поэтому использовать данный источник как основу для датировки событий русской военной истории крайне рискованно. Более надежна Разрядная книга 1475—1598 гг. и даже летописание.

что «...в Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев все... держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому» (Меховский, 1936: 109). Великий князь Александр сделал попытку принудительного введения унии среди всего православного населения, а также оказал давление на свою жену Елену Ивановну, дабы она оставила православие (Воскресенская летопись, 1859: 238; Сборник, 1882: 274; Базилевич, 2001: 387–400; Хорошкевич, 1980: 105–106, 115–116). В частности, в Полоцке между 1497 и 1500 гг. был основан бернардинский костел, и ему передана была земля, которой до этого владела православная церковь святого Петра (Полоцкие грамоты, 1980: №248, 249; Полоцкие грамоты, 1982: 36, 163–165). По причине «нужи о греческом законе» в 1500 г. на сторону Ивана III перешло сразу несколько сильнейших князей, ранее служивших Александру. Среди них — князья С.И. Бельский, С.И. Можайский и М.В. Шемячич. Современный исследователь М.М. Кром высказал предположение, согласно которому попытка ввести унию имела верхушечный, придворный характер и не затронула князей литовско-московского порубежья; она послужила им всего лишь предлогом для перехода на сторону Москвы, а реальной причиной стала возможность получения от Ивана III политических льгот и земельных приращений (Кром, 1995: 93–97). Однако убедительных аргументов в пользу своей гипотезы он привести не сумел. Действительно, перешедшие на сторону Ивана III удельные князья получали новые земли, однако нет причин отрицать конфессиональный фактор, толкавший их к переходу под власть единоверца¹. В 1499 г. на сейме была подтверждена Городельская

¹ Так, например, М.М. Кром пишет: князь С.И. Бельский жаловался Ивану III на то, что великий князь литовский Александр «посылал... владыку смоленского да своего бискупа виленского к князьям к русским и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и говорил им от себя, чтобы они приступали к римскому закону», — а в ответ литовский правитель отрицал факт отправки архиереев ко князю Бельскому, потому что он третий год его «в глаза не видел»; по мнению М.М. Крома «...логика этого ответа такая: князь Семен уже третий год не появляется при дворе, и, стало быть, великий князь не мог послать к нему упомянутых иерархов. В самом деле: невероятно, чтобы высшие иерархи католической (виленский епископ) и православной церкви (нареченный митрополит Иосиф) лично объезжали всех православных князей в Великом княжестве, включая самые отдаленные уделы на границе с Москвой...» Однако князь Бельский и не писал, что названные архиереи объехали «всех православных князей». Бог весть, кого они успели объехать, а кого нет, и кто объявил о переходе на сторону Москвы еще до их приезда; достаточно было и того, что от них могли прибыть доверенные лица с грамотами соответствующего содержания. Это уже послужило бы серьезным толчком к расставанию с Великим княжеством Литовским. Далее М.М. Кром замечает, что 1 февраля 1500 г., «в разгар кампании по проведению унии» князь Б. Глинский (наместник путивльский) пожертвовал православному Никольскому Пустыньскому монастырю свое имение в Киевском повете; отсюда делается вывод: «Совершенно очевидно, что здесь, на Северной “украине” никакие униатские эмиссары не появлялись, и жизнь православных князей и всего местного (“русского”) населения текла в обычном русле, без каких-то изменений». Представленный аргумент явно не соответствует сделанному выводу. Имел ли «эмиссар унии» право что-либо запретить наместнику Путивля? Трудно сказать. С другой стороны, князь Глинский мог сделать пожертвование, именно чтобы поддержать монастырь в надвигающиеся трудные времена. Да и пример Полоцка говорит об обратном: там земля православного храма оказалась отторгнутой. В целом же конструкция, предложенная М.М. Кромом, имеет слабую фактическую базу, в большей степени она опирается на логические спекуляции.

уния с католической Польшей, но об этом даже опасались распространяться, не желая вызвать лавину княжеских переходов (Wasilewski, 1913: 36).

Религиозно-политический конфликт был серьезнейшей причиной очередной московско-литовской войны. Православие являлось мощным козырем великих князей московских в борьбе за влияние на территории «Литовской Руси». Авторитет московского государя был бы подорван, не прими он энергичных мер к защите православия.

Возвращаясь к ситуации 1501 года: два удельных князя, недавно перешедших на сторону России, явно не располагали достаточными силами, чтобы разгромить литовский корпус под Мстиславлем. Летом 1500 г. литовская армия во главе с гетманом князем Константином Ивановичем Острожским была разбита на реке Ведроше, сам Острожский попал в плен. За год литовцы вновь собрались с силами. Как видно, ядро новой армии находилось именно у Мстиславля — город оказался в ту пору на «передовой» — в непосредственной близости от земель, недавно занятых московскими полками; к тому же, он с юга прикрывал Смоленск, пока еще занятый литовцами. Сюда пришел и «двор» (или, по крайней мере, часть «двора») великого князя литовского, т.е. лучшие боевые формирования. Мстиславль давал литовцам отличную операционную базу для действий против любого наступления воевод Ивана III северо-западнее Стародуба и Брянска.

Поэтому главный элемент в большой пятиполковой армии, предназначенной для разгрома литовской группировки под Мстиславлем, составили московские полки, а не отряды удельных князей. А старшим среди «государевых воевод» был назначен князь А.В. Ростовский (Разрядная книга, 1966: 32).

В разрядах похода на Мстиславль Александр Владимирович ставится третьим по старшинству после князей С.И. Можайского и В.И. Шемячича. Формально, их статус — статус удельных князей — выше статуса служилого аристократа, какой имел в Московском государстве Александр Владимирович. Однако именно он командовал основными силами армии, развернутой для наступления¹, т.е. фактически князь А.В. Ростовский являлся главнокомандующим.

В летописном известии о Мстиславльской наступательной операции Александр Владимирович назван «боярином» (Воскресенская летопись, 1859: 240–241). Позднее, в документах, касающихся нескольких воинских кампаний, вплоть до 7018 (1509/1510) года, его не именуют с этим думным чином. И А.А. Зимин отнес обретение боярства князем А.В. Ростовским к периоду не ранее Новгородско-Псковского похода Василия III, относящегося к этому году (Зимин, 1988: 80). Действительно, летописное известие 1501 г. могло содержать в себе анахронизм: летописец мог назвать известного ему боярина с этим чином еще до того, как чин был реально пожалован. Когда Александр Владимирович реально удостоился боярства, вопрос сложный. В дипломатических документах, касающихся приема в Москве литовского посольства Юрия Глебова 7014 (1505/1506) года он четко назван боярином (Сборник, 1882: 480), хотя в разрядных списках походов 1506 г. на Казань и 1508 г. к Дорогобужу его именуют без боярского чина (Разрядная книга, 1966: 37, 42–43). Разрядное делопроизводство вообще далеко не всегда воспроизводит думные чины. Поэтому, вопреки мнению А.А. Зиминой, боярский чин был получен князем А.В. Ростовским, скорее всего, до сентября 1501 г. Можно предположить, что Иван III пожаловал его Александру Владимировичу в награду за Торопец. Обретение боярства — большой скачок в карьере князя. Думается, весьма позитивно сказался он и на положении Ростовского княжеского дома при дворе великого князя московского в целом.

¹ Переводя на язык разрядных книг, занимал пост первого воеводы Большого полка московских войск.

Судя по московским летописям и разрядам, под Мстиславлем рать князя А.В. Ростовского и удельных князей нанесла литовцам серьезное поражение.

Летопись сообщает: «Приидоша воеводы к граду Мстиславлю ноября 4, в четверток, и сrete их из града... И снидошася полки... И, Божию милостию, одолеша полки великого князя... и многих литвы изсекоша, тысяч семь, а иных многих поимаша и знамена их поимаша, а князь Михайло едва утече в град. И воеводы велико князя, постояв у града, землю чиниша пусту, и возвратишася к Москве с многим пленом» (Летописный свод, 1963: 335; Воскресенская летопись, 1859: 240–241). Разрядная запись уточняет: в результате битвы московские воины «поимали» некоего Федня Скрыпова и пожгли посады Мстиславля, поскольку литовские воеводы «утекли» в город, и их некому было оборонять (Разрядная книга, 1966: 32).

Летописный источник, созданный противной стороной, признает только то, что к Мстиславлю, когда там «в заставе» стояли «многие люди литовские», пришли вражеские полки и с ними Семен Иванович Можайский. Князь Михаил Мстиславский (он же Ижеславский), старшее лицо в литовском воинстве, всего-навсего узнал об их движении к Мстиславлю и... отступил в город. Противники его «стояли [под городом] немало времени и учинили много зла вокруг города» (Хроника, 1907: 563). Иначе говоря, урон, нанесенный воинством Александра Владимировича и удельных князей, отмечен, боевое же столкновение обойдено вниманием. Однако в остальных случаях, когда московская рать проходила по литовским волостям и подвергала их разорению, западно-русские летописцы не фиксировали ничего: города не взяты, прочее же — обыденное для многолетних московско-литовских войн дело, не о чем говорить. Следовательно, под Мстиславлем все же произошло нечто более значительное, нежели простое мирное отступление литовской «заставы» в город и разорение окрестных земель.

По всей видимости, сражение все-таки состоялось, литовцы поиграли его и отступили под защиту стен Мстиславля¹. К этому подводят и другие, косвенные свидетельства. Так, например, московские воеводы могли доказать свой успех, предъявив пленников и неприятельские знамена, взятые как трофеи на поле боя. Кроме того, Иван III, чрезвычайно трезвомыслящий политик, после битвы отправил в войско гонца Ивана Ярова с посланием для военачальников: «Вас, оже даст Бог, за вашу службу жаловать хотим». За пожалованиями «...велел князь великий князю Александру и иным воеводам ехать к себе» (Разрядная книга, 1977: 77). Значит, Москва признавала значимость победы, одержанной под Мстиславлем.

Кстати, среди приглашенных к великому князю воевод Александр Владимирович поставлен на первое место: «Князю Олександрю и иным воеводам велел князь великий к себе ехать, а у князей велел оставить в Стародубе князя Ивана Воротынского да князя Петра Лобана Ряполовского. А написано в речи князю Ивану Воротынскому

¹ К такому же выводу пришли и другие исследователи (Базилевич, 2001: 428—429; Кром, 1995: 119). Базилевич даже высказал мысль, согласно которой «в задачу похода под Мстиславль не входили осада и штурм этой литовской крепости... целью похода, произведенного уже глубокой осенью, являлся не хорошо укрепленный Мстиславль, а разгром собранных около Мстиславля войск». Впрочем, источники не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть это соображение К.В. Базилевича. По косвенным признакам, он прав: нигде не говорится о действиях московской артиллерии и даже просто о ее присутствии в войске удельных князей и князя А.В. Ростовского. Если бы целью похода было взятие города, очевидно, пушки были бы применены, а летописцы и составители разрядов вряд ли упустили бы столь важное обстоятельство. Видимо, в Москве планировали нанести удар по литовской группировке, опасно выдвинувшейся на дистанцию короткого удара по городам, занятым ранее полками Ивана III.

наперед князя Петра Ряполовского, а Ряполовскому после». Князя И.М. Воротынский и П.С. Ряполовский Лобан — воеводы Передового полка, оставленного для охраны западного рубежа (Разрядная книга, 1977: 76–77). Тут можно увидеть не только старшинство князя А.В. Ростовского в походе, но и, по всей видимости, признание его особых заслуг на ратном поле.

Конечно, количество потерь, нанесенных литовской стороны (7000 человек!) выглядит преувеличением. Да и в целом по летописным памятникам и сражение у Мстиславля вызвало далеко не столь значительный резонанс, как чудовищная катастрофа литовского войска на Ведроше 1500 г. Однако сам факт значительного поражения литовцев сомнений не вызывает. Для неприятеля оно было вдвойне неприятным, поскольку он не сумел расквитаться за разгром на Ведроше и перехватить инициативу.

После первых, исключительно удачных действий Москвы и ее союзников, война продолжалась еще долго, и шла она с переменным успехом.

К 1502 г. относится большой поход московской армии на Смоленск. Возглавил его 20-летний сын Ивана III Дмитрий Жилка. Князь А.В. Ростовский вместе с князем Федором Ивановичем Рязанским возглавлял полк левой руки (Разрядная книга, 1966: 34).

Поход начался летом, усталые полки вернулись к Москве 23 октября; кампания закончилась неудачей. Смоленск штурмовали, обрабатывали его артиллерией, но, как сообщает летопись, «града... не взя, понеже крепок бе». Войска, осаждавшие Смоленск, сумели всего лишь разорить его окрестности.

Относительно причин неудачи высказывались разные соображения: недостаток продовольствия, самовольный отъезд бойцов московской поместной конницы в дальние волости для грабежа, относительная слабость осадной артиллерии, мощь крепостных сооружений, лояльность смолян великому князю литовскому, от которого они незадолго до начала осады получили льготную грамоту по налогам; в литовских источниках находили даже намеки на некую эпидемию, выкосившую часть осаждающих (Воскресенская летопись, 1859: 240–243; Сборник, 1884: 461; Базилевич, 2001: 440; Кром, 1995: 183–185). Однако главная причина неудачи, возможно, кроется в ином. На исход осады Смоленска самым скверным образом повлияла слабость московского командования. Дмитрий Иванович Жилка не раз возглавлял большое войско, однако боевые достижения его — неизменно более чем скромные, а в 1506 г. он покажет редкое легкомыслие и самонадеянность под Казанью¹. Он, скорее, мешал более опытным военачальникам осуществлять тактическую работу. Воеводы с очевидным тактическим дарованием, т.е., прежде всего, Яков Захарьин (второй воевода Большого полка) и князь А.В. Ростовский, стоявший еще ниже в служебной иерархии, не имели решающего голоса, что, по всей видимости, привело к трагическим последствиям. Современный исследователь Н.С. Борисов, знаток воеводского корпуса Московского государства, резонно заметил о Дмитрие Жилке: «Ни в этом походе, ни в других он не отличился полководческими дарованиями». И, далее: «Дмитрий Жилка явно не годился на роль диктатора», — а потому не сумел «железной рукой» восстановить дисциплину в армии, когда осаждающие увлеклись грабежами в ущерб основной цели похода (Борисов, 2000: 494–495). Думается, это еще весьма мягкая и щадящая оценка московского главнокомандующего.

Как только воеводы вернулись от стен Смоленска, в Москве начали готовить «ответный удар» — в отместку за недавнее поражение. Эту операцию Иван III не пожелал доверить проштрафившемуся отпрыску и отдал пятиполковую армию под команду

¹ О казанском походе 1506 г. подробнее см. ниже.

князю А.В. Ростовскому. По всей видимости, великий князь не увидел за ним какой-либо вины в провале смоленской осады, а значит, по-прежнему доверял Александру Владимировичу. Армия вышла в поход «из Северы на Литовскую землю» в декабре 1502 г. Вместе с московскими полками шли отряды многочисленных удельных князей: старых знакомых князя А.В. Ростовского — С.И. Можайского (он же князь Стародубский) и В.И. Шемячича, а также Ивана Семеновича Одоевского, его младшего брата Василия по прозвищу Швих, Ивана Михайловича Воротынского и рязанских воевод Якова Назарьева да «Чавки Васильева сына Дурнова». В походе, конечно, участвовали и государевы воеводы, но их немного: помимо самого командующего — брянский наместник И.В. Ляцкий-Жук, С.И. Воронцов, малозаметный князь В.В. Ромодановский и князь И.М. Оболенский-Репня (Разрядная книга, 1966: 34; Разрядная книга, 1977: 79)¹. Соответственно, они вряд ли располагали значительными силами.

Судя по составу этой пестрой армии, готовили ее наспех, не для серьезных боевых действий, а для своего рода акции устрашения, которую и осуществил Александр Владимирович. Одновременно с нею о Литве ударили: из Новгорода Великого — знаменитый полководец князь Д.В. Щеня с полками, а из Ржева — князь М.И. Булгаков с полками. Получилось нечто роде «фронтальной операции»: литовцев били на огромном пространстве в сотни и сотни километров.

Русские армии, как отмечает Базилевич, пробыли на вражеской территории минимум до последней декады февраля 1503 г. (Базилевич, 2001: 440, 445). Притом полевое соединение князя А.В. Ростовского, по всей видимости, задержалось там дольше прочих или же действовало с наибольшим размахом: об этом свидетельствует известие Ермолинской летописи: «В лето 7011. Посылал князь великий на Литву воевод своих князя Александра Володимировича Ростовского да Григорья Федоровича (Давыдова-Челяднина. — *Д.В.*), да князя Ивана Перемышльского (Воротынского. — *Д.В.*)» (Ермолинская летопись, 2004: 197). В разряд похода «из Северы» входили все эти военачальники, но помимо них там указаны и другие воеводы, в том числе и более значительные. Вероятно, отпустив часть полков назад, князь А.В. Ростовский с легким корпусом продолжал диверсии. А уже в марте начались московско-литовские переговоры о мире. К тому времени должен был возвратиться и он.

Весной 1503 г. между Москвой и Вильно было установлено перемирие, завершившее войну. Вместе с ним закончилась и боевая работа князя А.В. Ростовского на литовском фронте.

Великое княжество Литовское отдало Чернигов, Любеч, Торопец, Путивль, Брянск, Дорогобуж, Мосальск, Мценск, Трубчевск, Серпейск, Новгород-Северский, Рыльск, Гомель, Стародуб, Хотимль и Мглин, Карачев, Радогощ, Белую, а также ряд других городов. Это был самый крупный военный успех за всю жизнь Ивана III, наполненную громкими победами. Россия приобрела земли, сравнимые по площади с громадной Новгородчиной, и, видимо, превосходящие ее по численности населения.

Взятие Торопца, успех под Мстиславлем и обретение боярского чина — таковы крупные достижения Александра Владимировича. После Мстиславля он находился в зените славы и не растерял монаршего доверия после того, как принял участие в несчастливом для русской армии походе на Смоленск. В ходе войны он был чуть ли не самым «востребованным» полководцем в обойме воевод Ивана III, который располагал в ту пору большой «обоймой» блистательных военачальников. Тактическое дарование Александра Владимировича использовали с высокой интенсивностью. Летом-осенью

¹ В другой разрядной записи, ошибочно отнесенной к декабрю 1500 г. третьим воеводой Большого полка вписан также Григорий Федорович Давыдов-Челяднин (Разрядная книга, 1977: 72).

1500 года он пробыл в походе со псковичами 11 недель; в 1501-м уходит с войсками на литовцев в апреле и воюет с небольшими перерывами до ноября; в 1502-м отправляется под Смоленск летом (июль), а возвращается в конце октября, затем вновь идет с войсками на литву в декабре и заканчивает боевые действия в конце февраля — первой половине марта 1503 г. Не факт, что в промежутках от одного большого похода до другого ему не поручались менее значительные тактические операции.

Можно сделать вывод: в ходе московско-литовской войны 1500—1503 гг. князь А.В. Ростовский играет роль одного из ведущих полководцев России. На него, что называется, делает ставку Иван III.

КАЗАНСКАЯ КАТАСТРОФА

В 1502 г. Иван III свел с казанского престола вассального хана Абдул-Латифа, позволявшего себе слишком много самоуправства, и вскоре заменил его на Мухаммед-Эмина, от которого ждали большей управляемости. Но тот очень быстро повел себя иначе. Летом 1505 г. он взял под стражу представителей Ивана III, устроил бойню русских купцов, а их имущество забрал себе. Затем хан устроил набег на Нижний Новгород. Там его успешно отбили, но контроль над Казанью был утрачен.

Требовалось серьезное военное усилие России, чтобы восстановить управляемость Казанского региона. Осенью 1505 г. Иван III скончался, его место на престоле занял сын — Василий III, который начал подготовку к походу.

Наступление на Казань мыслилось московским стратегам как масштабная «фронтальная» операция. Весной 1506-го туда были направлены две большие рати по 5 полков — судовая и конная.

Первая из них, судя по количеству воевод и фигуре командующего, объединяла главные силы. Возглавляли ее брат Василия III князь Дмитрий Иванович Жилка и воевода князь Ф.И. Бельский. Конную, вспомогательную рать, возглавил князь А.В. Ростовский. Судя по числу воевод, она, даже уступая по численности судовой рати, была все же весьма значительной: в одно только Большом полку числилось четверо воевод, в других полках — от одного до трех (Разрядная книга, 1966: 37; Разрядная книга, 1977: 88–90).

Судовая рать Дмитрия Жилки прибыла под Казань ровно на месяц раньше конной — 22 мая 1506 года. Высадилась без разведки, двинулась к Казани в пешем строю, напоролась на татарскую засаду и понесла тяжелые потери.

Однако от осады Дмитрий Иванович не отказался и встал у стен города (Воскресенская летопись, 1859: 246). Он отправил гонца в Москву и получил оттуда ответ: ждать подмоги, не начинать штурм Казани, пока не подойдет новая рать — под командованием опытного воеводы князя В.Д. Холмского. Но Дмитрий Иванович не стал ее дожидаться, проигнорировав этот приказ. Как видно, его мучило ожидание кары со стороны Василия III за беспечность, проявленную при высадке и стоившую очень дорого. Он понимал: когда придет князь В.Д. Холмский — не только крупный военачальник, но еще и доверенное лицо Василия III, свойственник его (Василий III приходился ему шурином), тогда командование перейдет в другие руки. Следовательно, не останется ни единого шанса оправдаться за поражение, взяв город самостоятельно.

То, что произошло дальше, отражено в русском летописании с большими разночтениями и, более того, с невнятицей. Видно, что первоначальное, раннее летописное известие в более поздних памятниках летописания приняло сокращенный и искаженный вид¹. Исправный текст обнаруживается лишь в Летописном своде 1518 года, а

¹ Так, например, в Воскресенской летописи ни о каком приказе из Москвы не упоминается и о рати князя В.Д. Холмского не сказано ни слова; там говорится: «...25 июня

также в поздней, «московской» части 2-й Софийской летописи (Летописный свод, 1963: 339; Софийская 2-я летопись, 1853: 245). Именно по ним ниже реконструируются дальнейшие события казанской наступательной операции.

Александр Владимирович подошел к Казани с полками конной рати 22 июня. Под Казань уже двигалась рать князя В.Д. Холмского, но дойти еще не успела; Дмитрий Иванович не стал ее дожидаться. 25 июня он начал «...ко граду приступати с небрежением и граду не успеха ничтоже, но сами побеждены быша от татар. И князь Дмитрий Иванович и воеводы великого князя поидоша от Казани к Нижнему Новгороду, а царевич и воевода великого князя Федор Михайлович Киселев поидоша полем к Мурому. Царь же Магмед-Амин посла за царевичем и за Федором погоню, и угониша их до Руси за 40 верст...» Но царевич и Киселев погоню разбили, взяли пленников и спокойно дошли до Руси.

Виновник казанского разгрома — всё тот же Дмитрий Жилка, пожелавший, надо полагать, отмыть грех прежнего своего поражения триумфальным взятием Казани. Не имея достаточно сил после тяжелых потерь при высадке, он возомнил, что свежих полков князя А.В. Ростовскому ему хватит для победы. Но безобразное командование («с небрежением») опять привело его к неудаче.

Участие князя А.В. Ростовского в событиях под Казанью напрямую не прочитывается ни в одном из летописных известий. Ясно, что он участвовал в штурме, но какова его судьба после неудачи предпринятого русскими войсками приступа, нигде не говорится.

На сей счет можно лишь строить предположения. Из кратких летописных «обмолвок» видно, что в боях за Казань объединенная русская армия сначала как будто имела частный успех: «Приступаху ко граду к Казани и многих татар побиваху» (Софийская 1-я летопись, 1853: 51; Воскресенская летопись, 1859: 246). Более отчетливо говорит «Казанская история»: «Егда же воем русским пришедшем к Казани, и первое дал им Бог победу на казанцов, потом же — ох, увы нам — разгневался на ня Господь, и побеждены быша христьяне от поганых: побил казанский царь, из града вышед, обоя воя руския, конную рать и судовую, лестию некою» (История, 2000: 26).

Иными словами, приход конной рати с опытным полководцем во главе дал объединенным силам осаждающих некий тактический успех. Лишь потом этот успех превратился в поражение.

Конечно, «Казанская история» — источник очень своеобразный. Пласт исторических фактов порой довольно трудно отделить в нем от литературной фантазии автора и христианских нравоучений. К тому же, «Казанская история», созданная в середине XVI столетия, в любом случае — слишком поздний источник для событий 1506 г. Однако какие-то отголоски событий столь большой давности могли быть известны автору, который долгое время провел в Казани как высокопоставленный пленник и даже, по его словам, мог беседовать с «царем казанским» и его «вельможами» (Там же: 3).

Летописец объясняет финальную неудачу тем, что, отбив в первом бою у стен Казани ханские шатры и припасы, русские воины упились, обожрались, стали беспечно спать до полудня. Казанцы сделали вылазку и нанесли страшный урон русскому войску

князь Дмитрий Иванович, также и воеводы великого князя вскоре побегоша восвояси, никем же гоними, грех ради наших людей многих истеряша» (Воскресенская летопись, 1859: 246). Между тем, рать князя В.Д. Холмского точно шла на подмогу и была остановлена под Муромом известиями о том, что князь Дмитрий Жилка уже потерпел под Казанью поражение и отступил со всеми войсками. Кое-где говорится, что конная рать только-только «поидоша» к Казани 22 июня, хотя вся хронология событий четко показывает, что это писцовая ошибка: не «поидоша», а уже «приидоша».

на Арском поле и Царском лугу. Русские воеводы едва сами смогли убежать, людей же их полегло очень много. Погибли князья ярославские Андрей Пенков, Михаил Курбский и Карамыш (князь М.Ф. Курбский по прозвищу Карамыш. — *Д.В.*) с братом Родоманом (Романом. — *Д.В.*), а также Федор Киселев. Еще некий «Дмитрий» попал в плен к казанцам и был замучен (Там же: 27–28). Тут много неточностей: в частности, если под неким «Дмитрием» летописец понимает Дмитрия Жилку, то он в плен не попал¹. А Федор Михайлович Киселев (очевидно, автор «Казанской истории» перепутал его с первым воеводой передового полка в «судовой рати» — князем Михаилом Федоровичем Курбским по прозвищу Карамыш, действительно погибшим тогда у Казани), как видно из повествования Летописного свода 1518 г., еще сразится с казанской погоней, т.е. из-под города он ушел живым. В плен он попадет лишь в 1514 г., но не татарам, а литовцам... Каким-то смутным отражением реальности можно считать лишь сам сюжет с вылазкой казанцев, ударивших на русские полки, которые с приходом конной рати потеряли бдительность.

Действительно, трудно представить, что одна лишь неудача приступа заставила русские полки снять осаду и уйти восвояси. В конце концов, была середина лета, от Москвы шли резервы, стояние у Казани могло еще продолжиться с изрядной надеждой на успех. Как видно, воеводы «побежали» вовсе не «ником же гонимы», а именно «побеждены быша от татар». Иначе говоря, получили гибельной силы контрудар. Русская армия потеряла боеспособность, возможна, оказалась у черты полной деморализации.

Где в момент отступления оказался князь А.В. Ростовский? Этого не видно. Однако разрядные записи дают сведения, позволяющие высказать обоснованное предположение: он, а также некоторые другие воеводы его «конной рати» получили ранения и были вывезены соратниками из-под Казани в тяжелом состоянии. Руководить войсками они не могли.

Русские войска отступали из-под стен города так же, как и пришли к нему: двумя разными группировками. Одна ушла к Нижнему Новгороду, очевидно, на судах, а вторая, как подчеркивает летописец, «полем», отправилась в Муром. Во главе второй стояли некий «царевич» и Федор Михайлович Киселев — крупный вельможа, дипломат, но не воевода: его не было в разрядах казанского похода². А вот один царевич в разряде «конной рати» князя А.В. Ростовского точно присутствовал. Формально он был «прикомандирован» к передовому полку. В летописях и разрядных документах его именуют по-разному: Геналей, Зеналей, Аналей, Дзенай и т.п. (Разрядная книга, 1977: 90; Воскресенская летопись, 1859: 246). Следовательно, к Мурому выходили остатки соединения князя А.В. Ростовского. Государев воевода, которому поручен был передовой полк, — князь П.С. Ряполовский по прозвищу Лобан, — так же не смог возглавить отступающее соединение, очевидно, он и сам оказался ранен (князь выжил, в документах Московского делопроизводства он упоминается и позднее). И вот тогда команду пришлось принимать третьему по значимости военачальнику — служилому татарскому царевичу Геналею.

По всей видимости, неудача под Казанью никак не сказалась на доверии Василия III князю А.В. Ростовскому. По летописям и разрядам не видно, чтобы он потерял в чинах, испытал на себе опалу или подвергся иному наказанию. Вероятно, Василий III

¹ Впрочем, возможно, имеется в виду Дмитрий Васильевич Шеин, второй воевода Большого полка, который действительно сгинул в казанской кампании (Типографская летопись, 1921: 215).

² Вероятно, он был «прикомандирован» к армии как специалист дипломатической направленности, — на тот случай, если придется вести с казанцами переговоры.

не считал его виновником поражения; или, во всяком случае, считал его вину незначительной по сравнению с явными проступками Дмитрия Жилки.

Единственным показателем относительного падения статуса Александра Владимировича в воеводском корпусе является то, что его более не назначают командующим самостоятельных полевых соединений. Он получает видную, но все-таки второстепенную тактическую работу — полковым воеводой в армиях, которые возглавляют другие. Это не приносило «порухи» его родовой чести: им командовали военачальники исключительной знатности. Однако тактический дар его довольно долго находил лишь ограниченное применение.

ЖИВОЙ ЩИТ

На протяжении 1507—1508 гг. Александр Владимирович должен был вновь драться на московско-литовском фронте. Как уже говорилось выше, на этот раз ему не досталось ярких, первостепенных ролей.

В сентябре 1507 г. пятиполковое русское соединение совершает набег на окрестности Мстиславля. Это хорошо знакомый князю А.В. Ростовскому театр военных действий, но теперь воевода всего лишь возглавляет передовой полк, а всей армией командует князь В.Д. Холмский. Соединение ходило «литовские земли воевати», — видимо, более серьезных задач перед ним не ставили (Разрядная книга, 1966: 38; Разрядная книга, 1977: 93; Воскресенская летопись, 1859: 248). Типографская летопись освещает кампанию довольно странно: воеводы государевы были отправлены на вражескую территорию «искати воевод литовских», но те «побежали», т.е. сражений больших не вышло, удалось лишь сжечь посады у Мстиславля; однако под Кричевым погиб от пищальной пули знатный человек — М.В. Образцов; значит, какие-то боевые столкновения все-таки произошли... Польский хронист Ваповский сообщает, что русские войска осаждали Мстиславль и Кричев, но, не взяв ни тот, ни другой, скоро отступили (Wapowski, 1874: 75–76). Возможно, Холмский надеялся, что сможет взять какой-нибудь приграничный город набегом, «скорым изгоном», однако встретил серьезное сопротивление и, не имея тяжелой артиллерии, а также пехоты, быстро оставил осадные предприятия.

Годом позднее, осенью 1508-го, литовцы начали масштабную наступательную операцию в районе Дорогобужа. От Смоленска на Дорогобуж двигался Станислав Кишка с войсками.

Ход боевых действий не вполне ясен, но, видимо, Кишка успел дойти до города и занял своими отрядами, как минимум, посады дорогобужские (судьба крепости не отражена в русских источниках, а вот литовские сообщают, как заметил М.М. Кром, что Кишка город спалил) (Кром, 1995: 187). Авангардные части литовский полководец отправил далее на восток.

Оборонительная операция потребовала значительных резервов. Вяземский гарнизон, коим командовал князь В.В. Шуйский, был, как видно, невелик. Но тамошним воеводам приказали: идти к Дорогобужу, противодействовать литовцам.

Навстречу Кишке вышла из Москвы и русская армия во главе с испытанным Яковом Захарьиным-Кошкиным. Ему придали отряд, стоявший в Можайске и возглавлявшийся князьями В.Д. Холмским и А.В. Ростовским. Холмский доложил: людей у них мало, требуется пополнение. «3 городов» стали сочно собирать пищальников и по соху для отправки под Дорогобуж. В конечном итоге армия, предназначенная для контрудара, приняла устрашающий вид: туда стянули большие силы.

У Холмского в можайском отряде Александр Владимирович числился вторым воеводой, а при соединении всех сил под знаменами Якова Захарьина-Кошкина он ока-

зался третьим воеводой Большого полка. Эта должность оставляла ему лишь самые незначительные возможности влиять на тактический рисунок операции.

Армия готовилась к генеральному сражению. Из раздутаго по численности Передового полка Холмскому и Ростовскому выделили два отряда поместной конницы — усиливали части, подчиненные опытным военачальникам, на которых в Москве, видимо, возлагали особую надежду.

Тем временем литовцы начали строить оборонительные сооружения в Дорогобуже. Они планировали здесь закрепиться.

От Вязьмы к Дорогобужу были заранее выдвинуты легкие силы князя М.В. Горбатово-Кислого, Александра Заболоцкого и Андрея Салтыкова — «литовских людей отведать и языков добывать».

У Дорогобужа передовой отряд литовцев был разбит авангардными частями русского войска и потерял около 100 человек. Александр Владимирович в этом деле не участвовал, он двигался с основными силами войска. Кишка, как говорилось выше, уже был в Дорогобуже, но услышав о приближении русских полков, отступил из города. Литовский полководец предпочел уступить позиции без боя. Московская армия встала на оборону Дорогобужа и осталась там даже после того, как неприятель ушел. Впоследствии под ее охраной в Дорогобуже итальянскими инженерами возводились деревянные укрепления — уже не литовские, а русские (Разрядная книга, 1966: 42–43; Разрядная книга, 1977: 107–111; Воскресенская летопись, 1859: 248).

Итак, русская армия готовилась к большой битве, ее не произошло, но был достигнут серьезный стратегический успех: удалось отбить Дорогобуж и заставить отступить литовское воинство.

Война продлилась относительно недолго и закончилась незначительными потерями для России: литовцы отрывают от нее город Любеч. Однако обе стороны понимают, что решающая схватка еще впереди и постепенно готовятся к ней.

В межвоенную пору Александр Владимирович занимает одну из верхних позиций в придворной иерархии. Статус его весьма высок, Василий III числит его среди своих приближенных. Так, князь А.В. Ростовский сопровождает Василия III в походе к Новгороду Великому осенью 1509 г. (первым в боярском списке). А когда Василий III принимает решение окончательно демонтировать независимость Псковской вечаевой республики, столь важное дело, как приведение псковичей к присяге на великого князя, московский правитель доверяет именно ему вместе с И.А. Федоровым-Челяднинным (январь 1510-го) (Разрядная книга, 1966: 44; Разрядная книга, 1977: 113).

Таким образом, придворный статус Александра Васильевича в тот момент оканчивается даже несколько выше, нежели статус воеводский.

Большая война началась в 1512 г. и продлилась около десятилетия. Двумя главными ее стратегическими направлениями были борьба за Смоленск и Полоцк.

Зимой 1512/1513 года две больших русских армии вошли на земли Великого княжества Литовского. Первая из них двинулась на Смоленск, а вторая — на Полоцк.

Весь 1513 год прошел под знаком отчаянных усилий московских воевод взять обе твердыни. Оба города упорно оборонялись, под их стенами полегло немало московских ратников. Полки Василия III отступали в изнеможении, но вскоре возвращались с новыми силами и опять начинали осаду. Никаких успехов! Казалось, вся сила московская будет бессмысленно перемолота в тяжелых боях...

В первой половине 1514 года Москва отдыхала от войны и собиралась с силами. Летом армия Василия III в очередной раз подошла к Смоленску.

Этот город — древняя столица одного из русских княжеств. В XIII—XIV столетиях Смоленское княжество являлось фактически независимым государством. Но к упадку от него постепенно разбухла громада Литвы. В 1404 году литовцы, после долгой

борьбы, захватили Смоленск. В 1440-х годах город поднял восстание и на два года освободился от чужой власти. Но восстание в конце концов было подавлено. Москва, не имевшая тогда сил для борьбы с Литвой, признала ее права на Смоленск. Впоследствии соотношение сил изменилось, и теперь литовцам пришлось отстаивать захваченную ими Смоленщину.

Василий III лично руководил действиями русской армии, осадившей Смоленск. Он рассчитывал использовать два крупных козыря.

Во-первых, Москва в 1508 г. (еще в прошлую войну с Литвой) обрела могучего союзника в лице князя Михаила Глинского. Будучи влиятельным магнатом, Глинский затеял восстание против нового польско-литовского монарха — Сигизмунда I, тяжело обидевшего род Глинских. Потерпев поражение, князь нашел прибежище в Москве. Глинский, прирожденный лидер, имел дар убеждения. К тому же, у него в Смоленске было немало сторонников.

Во-вторых, московские ратники доставили под стены города мощную артиллерию. Она тоже умела убеждать... по-своему. В итоге город сдался.

Вся оставшаяся часть войны прошла под знаком двух процессов: литовцы прикладывают титанические, но тщетные усилия отбить Смоленск, а Москва наращивает столь же тщетные усилия, направленные ко взятию еще и Полоцка. Итог войны: Полоцк взять не удалось, но Смоленск остался за Россией.

Александр Владимирович участвовал в этом тяжелом противостоянии самым непосредственным образом. Во время первого похода на Смоленск, начавшегося в декабре 1512 года и окончившегося неудачно, князь А.В. Ростовский возглавлял полк правой руки вместе с батом великого князя Юрием Ивановичем. Он же числится боярином в свите Василия III (вторым в списке), оставаясь, таким образом, одним из его доверенных лиц (Разрядная книга, 1966: 48; Разрядная книга, 1977: 126–127).

А.А. Зимин пишет: «В первом Смоленском походе 1512—1513 гг. А.В. Ростовский вторым из бояр (после Д.В. Щени) сопровождал Василия III. Он был приставлен к передовому полку (В действительности же, он командовал Полком правой руки. — Д.В.), который номинально возглавлял дмитровский князь Юрий Иванович. Во втором и третьем Смоленских походах 1513 и 1514 гг. князь Александр возглавлял большой полк, т.е., по существу, всю русскую армию» (Зимин, 1988: 80). Всё, что относится в этом утверждении ко второму и третьему Смоленским походам, — ошибка. Князь А.В. Ростовский, действительно, выполнял чрезвычайно важную для успешного решения смоленской проблемы задачу, но ни Большим полком, ни в целом русской армией под Смоленском он не командовал, поскольку находился в другом месте.

В это время он возглавлял полевое соединение, служившее живым щитом для Москвы и для тех, кто осаждал Смоленск.

А понадобилось выставлять этот живой щит по очень печальным обстоятельствам.

Московская дипломатия была превосходно вооружена чрезвычайно долгим опытом выстраивания отношений с Ордой и ее осколками — ханствами чингизидов, племенными объединениями ногайцев. Московские послы умели договариваться с татарами и даже направлять их силу против литовцев. Особенно хорошо получалось это при Иване III: крымский хан был его полезнейшим союзником. Но при Василии III ситуация начала портиться. Во-первых, после казанской катастрофы 1506 г. татары почувствовали слабину: Москву опять можно бить! Во-вторых, испортились отношения с «крымским царем» Менгли-Гиреем. Литовцы сумели перенаправить всю хищную энергию ханства в сторону Русского государства. В 1507 г. Россия впервые почувствовала «крымскую угрозу»: отряды крымских мурз, очевидно, незначительные, принялись разорять Северу — Белёвские, Козельские и Одоевские «места», — но их отбили

(Зимин, 1972: 84–85). Впоследствии борьба между двумя дипломатическими системами за Крым приведет к тому, что тамошние правители будут поочередно использоваться то Литвой против Москвы, то Москвой против Литвы: кто больше заплатит, кто больше уступит, кто посулит больше политических льгот, тот и пользуется боевыми ресурсами хана-союзника... Но накануне первых походов на Смоленск силы крымцев совершенно отчетливо послужили именно на благо литовцев.

Весной-осенью 1512 г. крымские «царевичи» совершили три больших похода на территорию России. Для Москвы это нашествие было как гром среди ясного неба: великому князю и его правительству казалось, что отношения с Крымом урегулированы... и вдруг такая напасть!

Первый удар был нанесен в апреле 1512 г. Татары приходили к Одоеву и Белеву, на Коломну и «на Волкону». Их отряды широко разошлись по южнорусским областям: «Пленища волости Воротынские и Одоевские, и Коломну, и Волок (Волкону?)». Затем состоялся второй набег: в июле на Рязанщину пришел «царевич» Магмут (Ахмат). Но тяжелее всего был третий набег: 6 октября «Приидоша татарове на Рязанскую волость безвестно и приидоша под город и стояли 3 дни, и острог взяли и прочь пошли с полоном». Их возглавлял «царевич» Бурнаш (или Бурнос)-Гирей (Типографская летопись, 1921: 217; Воскресенская летопись, 1859: 252; Никоновский летописный свод, 1904: 15; Иоасафовская летопись, 1957: 160).

Если первый набег был неожиданным, и не видно, чтобы московское военное командование успело организовать противодействие, то более поздние удары (во всяком случае, второй) удавалось парировать. Москва выставляла полки на юг, и князь А.В. Ростовский оказался в числе воевод, противостоявших татарскому натиску. В мае 1512 г. его отправили воеводой «на Каширу». Летом Александру Владимировичу дали под команду пятиполковую рать, с которой воевода встал на Осетре.

По словам официальной, великокняжеской летописи, когда «царевич» Магмут ворвался на рязанские земли, «...учинилася ему весть, что великого князя воеводы стоят на Осетре, князь Александр Володимирович Ростовский и иные воеводы со многими людьми, а на Упе стоят воеводы князь Михайло Иванович Булгаков да Иван Андреевич и иные многие воеводы со многими людьми; и то слышав, Магмут-царевич в землю не пошел, а воротился со украины, а воеводы великого князя за ним ходили на Поле до Сернавы да его не дошли» (Разрядная книга, 1966: 46; Разрядная книга, 1977: 117, 123; Летописный свод, 1963: 347; Никоновский летописный свод, 1904: 15). Правда, Типографская летопись показывает далеко не столь радужную картину: «Приходили татарове на Рязанские пределы и, воевав, и с полоном пошли прочь, великого же князя воеводы ходили за ними за Дон до Тихой Сосны...» (Типографская летопись, 1921: 217) — иными словами, крымцы все-таки разоряли какое-то время окраины Рязанщины. Но и в данном случае видно: им оказали противодействие, возможно, отбили «полон» или хотя бы часть его во время погони. А занимался тактической работой на этом участке именно князь А.В. Ростовский.

Немудрено, что именно его в период второго и третьего Смоленских походов поставили во главе большой рати прикрывать в районе Тулы южное направление. Весной-летом 1513 г. Александр Владимирович стоял там с пятью полками «береженья для». Притом армию ему дали значительную: у каждого полка — по двое-трое воевод, а не по одному, что говорит об относительно высокой численности полков. Годом позже, в мае-июне 1514 г., князь А.В. Ростовский вышел с той же целью к Туле, имея под командой не менее солидное полевое соединение (Разрядная книга, 1966: 49–50, 53, 55). Лишь 1 августа Василий III въехал в капитулировавший Смоленск и, вероятнее всего, тульский заслон был снят не ранее этого времени.

Сведений о каком-то порыве или просто о набеге татар за эти годы источники не приводят. Но, очевидно, опасность флангового удара крымцев была вполне реальной — это видно по нападениям татарских «царевичей» 1512 г., в ходе которых особенно сильно пострадала Рязань. А несколько лет спустя, летом 1517-го, случился большой набег крымцев как раз на тульские волости (Воскресенская летопись, 1859: 261).

Следует обратить внимание на еще одну деталь: в 1512—1514 гг. Александр Владимирович работает на износ. Весной-летом 1512-го противостоит крымцам на юге, затем конец года застает его в походе на Смоленск, а весной 1513-го воевода уже стоит под Тулой; туда же он опять отправится и год спустя. Очень хорошо видно: Василий III надеется на этого полководца, дает ему ответственные поручения, в критических для страны ситуациях бросает на «затыкание дыр» и подолгу не отпускает из зоны боевых действий на отдых.

Смоленский триумф, к сожалению, скоро был омрачен поражением большого русского соединения под Оршей.

В литературе эта неудача оценивается по-разному. А.А. Зимин писал: «Оршанская битва задержала развитие русских успехов, достигнутых взятием Смоленска, но не могла их нейтрализовать» (Зимин, 1072: 168). В белорусской исторической литературе националистического толка этому сражению придавали значение грандиозного перелома в московско-литовском противостоянии, блистательной победы, спасшей Великое княжество Литовское; в ней видели разгром неприятеля, в несколько раз превосходящего армию ВКЛ по численности. Так, например, Г.М. Саганович писал: «Значение великолепной победы... вряд ли можно было оценить сразу. В самый критический момент был сохранен суверенитет государства, более или менее стабилизировались позиции на востоке страны... А морально измученные от неудач воины Княжества окрылились» (Сагановіч, 1992: 43–44; Ігнатоўскі, 1992: 96; Нарысы, 1994: 130¹). Современный исследователь А.Н. Лобин, думается, наиболее адекватно оценил итоги сражения под Оршей 1514 г. По его словам, «из всех сражений с Россией это была первая крупная полевая победа ВКЛ... Но по своим масштабам, задействованным силам и политическим последствиям она, скорее, претендовала на место тактической, а не стратегической победы. “Грандиозной” Оршанская битва стала прежде всего в тенденциозных сочинениях публицистов XVI в.». И, далее: «Оршанская битва не переломила ход кампании, не вырвала инициативу из рук Москвы, к тому же русские не лишились своего военного потенциала» (Лобин, 2011: 208–209, 211). К схожим выводам пришел и автор этих строк: сражение под Оршей было серьезной неудачей русской армии, но неудачей именно тактической; оно не внесло стратегического перелома в ход войны.

Литва не сумела реализовать преимущество, которое дала ей удача под Оршей. Победоносные ее войска подошли к Смоленску, ожидая, что город от одного их вида спустит флаг. Вышло иначе: литовцев отбили от Смоленска с большим уроном, они бежали, бросив обоз с припасами. Важнейшим результатом Оршанской битвы, да и в целом борьбы за Смоленск стало обессиливание обеих сторон. Их военный потенциал заметно сократился в результате понесенных потерь. Наносить удары прежней мощи не могли ни Великое княжество Литовское, ни Россия. Литовцы захватили несколько малых городков, Москва оказалась способна нанести ряд контрударов и даже занять Рославль, но на выполнение второй стратегической задачи — захват Полоцка — ей уже не хватило сил. В сущности, на протяжении всей многолетней войны только раз одна из противоборствующих сторон достигла стратегической цели: московские войска взяли и отстояли Смоленск; таково главное содержание войны, закрепленное, в конечном итоге, мирными соглашениями 1522 г.

¹ Соответствующую главу в коллективном труде писал П.А. Лойко.

Князя А.В. Ростовского не коснулся позор поражения — он не участвовал в битве под Оршей. Но исход баталии долгое время влиял на его служебную деятельность.

С 1515 (то ли даже с конца 1514) г. по 1517-й он возглавляет воинскую группировку, занимавшую позиции у Великих Лук. Наместничая в Новгороде с 1515 по 1522 год¹, Александр Владимирович играл роль идеального военного вождя для северо-западных регионов страны. Он действовал с большой осторожностью. Часть его сил оставалась на своих позициях, составляя заслон против потенциальных атак литовцев. А другую часть князь А.В. Ростовский отправлял вглубь территории неприятеля, тревожа его и не давая перейти в наступление. В то же время, он не получал приказа на самостоятельное поведение большой наступательной операции: очевидно, после Орши резервов, необходимых для подобного предприятия, не хватало. К его полкам был изначально добавлен отряд крещеного татарского «царевича» Василия Малегдаировича или Мелехдаировича, на второй год — отряд другого татарского «царевича», Федора Мелехдаировича, но на третий год у воеводы татар забрали. Следовательно, в Москве не планировали проводить на великолукском участке фронта никаких крупных наступательных действий.

Да и сам Александр Владимирович, здраво оценивая ситуацию, не рисковал идти на литовцев всеми полками (Разрядная книга, 1966: 55—56, 59, 61; Разрядная книга, 1977: 148, 153, 154—155).

В конце 1514 или первой половине в 1515 г.² он отправил к Полоцку две трети своей великолукской армии: судя по составу воевод, ушедших на литовцев, у князя А.В. Ростовского оставались часть Большого полка, часть Сторожевого и часть полка Правой руки; прочие части этих трех полков понадобились для наступления, а вместе с ними Передовой полк и полк Правой руки в полном составе. Летописи не отразили этого похода: вероятно, он имел значение акции по устрашению и разорению противника, приободрившегося после Орши, не более того. Возможно, сразу после этого удара, литовцы в отместку произвели набег из-под Полоцка, спалили посады у Торопца и Великих Лук, грабили «с неделю», а отбить их князь не успел. Причину понять трудно: то ли оплошал, то ли основные его силы отдыхали после похода и не были вполне боеспособны, то ли сам набег имел ничтожные масштабы — на действия малого вражеского отряда слишком долго не обращали внимания. Впрочем, хронология событий, с трудом восстанавливаемая по разрядным записям, оставляет место и для другой трактовки, даже более вероятной: сначала ударили литовцы, затем к Великим Лукам была выведена группировка князя А.В. Ростовского, и она нанесла ответный удар.

Но в любом случае, это частные тактические операции, не имевшие значительного масштаба.

В 1516 г. воевода отправлял легкие отряды В.Г. Годунова, князя И.И. Засекина и В.И. Владимировича-Овцы в большую русскую армию, безуспешно пытавшуюся взять

¹ Эта хронология опирается на хронологические расчеты А.А. Зимина, приведенные в начале этой работы. Но сам Зимин оставлял место сомнению в том, что князь А.В. Ростовский наместничал в Новгороде Великом столь долго без перерыва. Автор этих строк хотел бы добавить серьезный аргумент к названному сомнению: Псковская 1-я летопись под 1518 г. упоминает другого новгородского наместника: князя В. Шуйского (Псковская 1-я летопись, 2003: 100). Следовательно, хотя бы на этот год Александр Владимирович не назначался наместником в Новгород.

² Судя по расположению разрядной записи относительно других записей 1514/1515 года, скорее, этот контрудар по литовцам производился осенью 1514-го или зимой 1514—1515 г.

Витебск (Разрядная книга, 1966: 55–56, 59; Разрядная книга, 1977: 145, 149, 152–153; Лобин, 2011: 188–189).

Итак, если на протяжении русско-литовской войны 1507—1508 гг. Александр Владимирович играл второстепенную роль, то большая война за Смоленск вновь выдвинула его на первый план. Каждый год ему поручается либо участие, либо руководство в 1-2 масштабных боевых операциях.

ТРИУМФ У ОПОЧКИ

В июне 1517 г. Александр Владимирович вновь вышел с войсками к Великому Лукам, чтобы продолжить тактику «заслона», активно оперирующего против литовцев.

Судя по списку воевод, князь А.В. Ростовский располагал крупными силами: в каждом полку по 2-3 воеводы — для небольшого полевого соединения хватало по одному воеводе на полк. Всего у него под началом оказалось 10 воевод. Очевидно, разведка полководца загодя установила факт широкомасштабных приготовлений литвы к наступательной операции на этом направлении. Посол германского императора барон Сигизмунд Герберштейн проезжал 29 марта через Опочку и знал, что литовцы готовятся осадить ее. «Хотя в тех местах, — пишет он, — из-за частых болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск, они тем не менее двигаются прямо, куда бы им ни было нужно, высылая вперед множество крестьян, которые обязаны удалить всякие препятствия: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки». Добравшись до Новгорода Великого барон, по поведению тамошнего наместника — князя А.В. Ростовского, понял: «Видимо, москвиты... разузнали о приготовлениях короля к осаде Опочки» (Герберштейн, 2007: 388, 390; Лобин, 2011: 193). Под команду Александра Владимировича был отправлен легкий корпус из-под Вязьмы — еще пятеро воевод с воинскими частями во главе с князем В.В. Шуйским, в том числе воевода Полка левой руки Иван Васильевич Ляцкий, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в предстоящем столкновении с неприятелем. Вряд ли у Ляцкого под командой находилось тогда более 1000 человек, скорее, он располагал всего несколькими сотнями бойцов. Примерно такими же силами располагал и князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский по прозвищу Лопата, числившийся у Великих Лук вторым воеводой Передового полка в армии князя А.В. Ростовского. Оболенскому также суждено было сыграть в грядущей битве незаурядную роль (Разрядная книга, 1966: 61; Разрядная книга, 1977: 154–155).

В сентябре 1517 г. гетман Константин Острожский, когда-то разбитый на Ведроше, а затем одержавший победу под Оршей, двинулся из Полоцка на псковский «пригород»¹ Опочку. Наместником Опочки и главой тамошнего гарнизона был Василий Михайлович Салтыков (Разрядная книга, 1977: 158). Первым осадную армию Острожского встретил именно он.

Опочка не располагала мощными оборонительными сооружениями. По словам того же Герберштейна, там располагалась деревянная крепость (в отличие от Порхова и Пскова, где имелись каменные крепости), стоявшая «на высоком, островерхом, как конус, холме» (Герберштейн, 2007: 388). Скорее, этот холм и река у его основания обороняли Опочку, нежели ее невеликая крепостица. Однако Опочка все же была довольно значительным городом. М.Н. Тихомиров считал, что Опочка, во всяком случае, до ее тяжкого разорения в годы Ливонской войны, являлась крупным ремесленным центром со значительным рынком; у нее было богатое торговое прошлое, имелся обширный посад (Тихомиров, 1962: 325).

¹ Малый, подчиненный городок

Очевидно, целью нападения была не одна Опочка. Да, в первой половине XVI столетия этот город мог считаться достойным призом для большой королевской армии, двинувшейся в генеральное наступление. Но за ним открывалась еще более заманчивая перспектива. Если бы Опочка быстро открыла ворота, польско-литовские войска получили бы возможность пойти дальше и захватить Вороноч¹, Врев, Владимирец, если повезет, то еще и Остров, Порхов, а то и сам Псков. Объектов для осады и захвата в южном Припсковье хватало.

Наступление готовилось на протяжении многих месяцев. А.Н. Лобин указал на королевское распоряжение, отданное еще в апреле о сборе войск в Полоцке к сентябрю, ко дню празднования Рождества Богородицы. Проезжая Опочку весной 1517-го, Герберштейн уже прекрасно знал, что король польский планирует склонить Москву к «сносным условиям мира», нанеся здесь удар собственными войсками и договорившись с крымцами об одновременном набеге на московские владения с юга (Герберштейн, 2007: 294)². Перед началом кампании сам король Сигизмунд I явился в Полоцк, обсуждал там военные планы и, отправив войска, сам остался в городе «с малыми людьми». Очевидно король возлагал на гетмана Острожского большие надежды и считал необходимым присмотреть за организацией тыловой поддержки наступления (Сборник, 1887: 64).

Полякам и литовцам удалось сконцентрировать на этом направлении значительные силы, в том числе собственно литовское ополчение Ю. Радзивилла, отряды поляков и центрально-европейских наемников («жолныри», «чахи, ляхи, угорове, литва и немцы... мураве, мозовшане, волохи и сербаве») под командой Я. Сверчовского, татарский отряд, группу военных инженеров («аристотели») а также «великий наряд пушечный и пищальный». Подойдя к Опочке 20 сентября, Острожский блокировал город во всех сторон, открыл огонь из пушек и пищалей. 6 октября гетман отдал приказ на штурм укреплений (Летописный свод, 1963: 353–354; Воскресенская летопись, 1859: 261–262; Псковская 1-я летопись, 2003: 99).

Поляки и литовцы были совершенно уверены в успехе дела. Они с презрением называли маленькую Опочку «свиным хлевом» (Strykowski, 1846: 391). Тем более поразили их результаты приступа.

Воевода и наместник Опочки В.М. Салтыков с гарнизоном и горожанами отбивал приступы из пушек и пищалей, «и катки большими и слоны из города» (видимо, бревнами и деревянными чурками). Ему удалось нанести Острожскому большой урон. Погиб вражеский военачальник Сокул, а его знамя стало русским трофеем. Приступ длился весь день, но не привел гетмана к успеху... Князь А.В. Ростовский скоро узнал о вторжении польско-литовской армии и сообщил тревожные вести в Москву. Определяя способ противодействия столь опытному военачальнику, как Острожский, Александр Владимирович выбрал уже опробованную тактику: наносить удар небольшими мобильными отрядами, тревожить противника, не давать ему покоя; боевое ядро великолукского полевого соединения постепенно придвигалось к неприятелю, но не дробилось и не провоцировало к решающему сражению. Так началась большая оборонительная операция. По словам летописи, князь А.В. Ростовский послал «...наперед себя лехких людей и воевод князя Федора Васильевича Оболенского Лопату да Ивана Васильевича Ляцкого и иных воевод и детей боярских не со многими людьми, а велели им помогати пригороду Опочке, ото всех сторон войску литовскому мешати, а сами воеводы пошли противу королевых воевод со многими людьми». Как уже говорилось выше, отряды, коими могли оперировать И.В. Ляцкий и князь Ф.В. Оболенский-Телепнев, сами

¹ Ныне Вороноч или Воронач — городище и деревня во Псковской области.

² Силу крымцев московская дипломатия перенаправила против самой литвы.

по себе не могли разгромить вражескую армию, — для этого они были слишком незначительны: едва-едва полтора полноценных полка, если сложить их воедино и добавить прикомандированные части И.А. Колычева, И. Мисинова и П. Лодыгина. Однако русские военачальники использовали эффект неожиданности. Острожский, занятый организацией штурма, явно не уследил за внешней обстановкой, возможно, пренебрег разведкой и в результате подвергся внезапному удару: «Переднии воеводы государя... князь Федор Васильевич Оболенский и Иван Васильевич Ляцкий... пришед под литовское войско удариша на них с трех сторон, да литовскому войску многих побиша, а иных многих... поимаша и к большим воеводам послаша. В то же время пришла весть И.В. Ляцкому, что многие люди ляхове идут на помощь королеву войску. И Иван Васильевич с своими товарищи шед противу них, бьящяся с ними. И Божию помощью воевод лядцких 4000 войска побиша, а иных воевод их поимаша: Черкаса Хрептова и брата его Мисюря, да Ивана Зелепугина, и многих людей живых поимаша, и пушки у них и пищали взяша и к большим воеводам их послаша». Псковская 1-я летопись сохранила подобный рассказ об успешном рейде И.В. Ляцкого. Он узнал, что к литовцам от Брянска («от Брянска Красногородские волости»¹) идет подмога во главе с неким паном Черкасом. К тому времени Ляцкий уже переправился через реку Великую «и через Синю реку». Быстрым маршем он подобрался к неприятельскому лагерю. Синяя протекает намного западнее Опочки, так что Ляцкому пришлось совершить дальний бросок в западном направлении. Литовцы «обсторожились на Ключищах»²: заняли холм и построили там острожек, а русских пленников заперли в местном храме. Ляцкий велел блокировать литовский отряд со всех сторон и взять острог приступом. Литовцы долго сопротивлялись, но, в конце концов, сдали свое укрепление; Черкас заперся в «поповом доме», пытался продолжить бой, однако его людей порубили, а самого военачальника взяли живым вместе с последними его защитниками; русских пленников выпустили на волю. Таким образом, подмоги гетман не получил. 18 октября 1517 г. Острожский отступил от Опочки, «видев своего войска падение и юже на нь победу и послышав великого государя Василия больших воевод». Русские легкие воеводы преследовали гетмана и били вдогон. Острожский бросил все воинское имущество, предназначенное для осады (Летописный свод, 1963: 353–354; Воскресенская летопись, 1859: 261–261; Псковская 1-я летопись, 2003: 99–100; Сборник, 1882: 503)³.

¹ Брянск или Брянск — ныне: город Брянск Полоцкой области в Белоруссии, находится северо-западнее Полоцка.

² Место никак не связано с деревней Ключище в Печорском районе Псковской области: совершенное безумие перебрасывать резервы из Брянска под Опочку через эти Ключищи: войскам пришлось бы сделать огромный крюк. Скорее, место битвы находится в «Красногородской волости», это гораздо более уместный маршрут, и слова псковского летописца «от Брянска Красногородские волости» следует воспринимать как описку. Видимо, правильнее было бы читать «от Брянска через Красногородскую волость». Тем более, что дипломатических документах упомянуты боевые действия И.В. Ляцкого как раз у «Красного городка» (Памятники, 1851: 337).

³ Судя по дипломатическим документам, отряду князя Ф.В. Оболенского-Телепнева был придан на усиление еще менее значительный отряд — люди Ивана Мисинова, числившегося вторым воеводой в маленьком Сторожевом полку великолукской армии, а на третьем направлении действовала еще одна малая группа — отряд И.А. Колычева (второго воеводы Полка Правой руки в великолукской армии) и воинского головы Петра Лодыгина (Сборник РИО, 1887: 64—65).

Иными словами, до генерального сражения дело еще не дошло, а Константин Острожский уже почувствовал, что операция проиграна и отступил столь стремительно, что оставил русским богатые трофеи. Почему это произошло?

Обстановка вокруг литовской армии ухудшалась постепенно: крепость не сдавалась, с флангов и тыла на расположение осаждающих обрушивались удары русских «легких людей»; потери, таким образом, росли, а победа не приблизилась ни на шаг. Между тем, погода портилась. По словам Герберштейна, литовцы совершили стратегическую ошибку: «Войско прибыло слишком поздно, и из-за такого опоздания, а также из-за таяния снега должно было торопиться назад». Противореча себе, в другом месте немецкий дипломат пишет, что польские войска «из-за зимы не могли долго оставаться в поле». В любом случае он признает, что широко задуманное наступление на российскую западную окраину завершилось «безрезультатно», и в качестве главной причины указывает на погоду, не благоприятствовавшую литовцам (Герберштейн, 2007: 388, 395). Что ж, возможно климатический фактор и сыграл какую-то роль (хотя, стоит заметить, русские войска оперировали в тех же погодных условиях). Но все же главный фактор, заставивший Острожского признать поражение и скомандовать отход, — отнюдь не действия русских авангардных воевод и не дожди с морозами. От Великих Лук передвинулось к северо-западу соединение князя А.В. Ростовского — те самые «великие воеводы», о которых «прослышал гетман». Не очень понятно, успел ли Александр Владимирович схлестнуться с литовцами. Если и так, то его полки всего лишь пощипали арьергард Острожского. Но все же участие их в победе — весьма серьезное; только оно не боевое, а иного рода. Об этом говорит рапорт полководца, отправленный им в Москву 24 октября 1517 г. Князь А.В. Ростовский, главнокомандующий всей оборонительной операции, доложил Василию III, что И.В. Ляцкий с князем Ф.В. Оболенским «и иными воеводами» литовцев «многих побили и не в одном месте, а иных людей переимали, да и воеводу у них поймали¹. И под Опочкой людей литовских з города побили многих, и литовского воеводу Сокола убили; а Костянтин Острожский пошел от Опочки в свою землю». Послание было отправлено *из-под Вороноча* (Сборник, 1882: 503). По данным псковского летописания, русские полки стояли за рекой Соротью в Изборщине («в Ызборщины»), а Сороть протекает именно в тех местах, где располагается ныне городище и деревня Воронич, так что место новой позиции великолукской армии можно считать твердо определенным (Псковская 1-я летопись, 2003: 100).

Отсюда видно: если какие-то «иные воеводы» из состава главных сил великолукской армии участвовали в боевых действиях, то сам командующий руководил оборонительной операцией издалека. Главным инструментом воздействия на ситуацию стала в его руках угроза нападения по-настоящему крупных сил на лагерь Острожского. Взглянув на карту Псковщины, легко заметить, что армия князя А.В. Ростовского, передвинувшись с позиции у Великих Лук к позиции у Вороноча, должна была совершить более чем 100-километровый марш. Встав здесь, Александр Владимирович загородил неприятелю дорогу на Псков. Вместе с тем, он находился примерно в 30-35 км от осажденной Опочки, т.е. всего в дне конного пути, а значит, мог своевременно посылать ей подмогу или же атаковать всей мощью своих полков.

Для гетмана Острожского такая позиция русского полевого соединения таила серьезную угрозу: литовцев могли обойти с востока и отрезать от главной операционной базы — Полоцка. Собственно, это уже и начали делать Ляцкий с Оболенским. Очевидно, весь расчет гетмана строился на том, что Опочка падет чрезвычайно быстро. Тогда великолукская армия не успеет закрыть дорогу на Псков да и ударить в тыл тоже не успеет. Возможно, удастся продолжить успешное наступление, захватить иные насе-

¹ Вероятно, имеется в виду взятый в плен «Черкас Хрептов[ич?] из летописи.

ленные пункты, укрепиться — если действовать быстро. Во псковском летописании содержится краткое известие, согласно которому Острожский отправлял отряды под Вороноч, Велье и Красный, видимо, планируя в перспективе взять эти малые «городки» (Там же: 99–100). Но под Опочкой литовцев остановили капитально, Ростовский успел взять северное направление под контроль, и гетман не стал рисковать: отвел потрепанную армию, пока она оставалась управляемой.

Таким образом, насколько опочецкий наместник В.М. Салтыков с гарнизоном «перестояли» Острожского, превзошли его войско в мужестве, настолько же князь А.В. Ростовский переиграл гетмана с литовцами в маневрировании.

Источники не позволяют оценить потери противника сколько-нибудь точно. Летописное свидетельство о том, что лишь в результате рейда И.В. Ляцкого враг потерял 4.000 убитыми, не считая пленных, — явное преувеличение. Малый отряд, штурмовавший укрепленный пункт и нанеший противнику одних только невозвратных потерь в 4-5 раз большей своей численности, — это из области фантастики и пропаганды.

В дипломатических документах того времени зафиксированы известия об Опочечкой победе, которые были распространены русскими дипломатами за рубежом; там, в частности, потери литовцев от «легких» воевод, от действий самого князя А.В. Ростовского и при штурме Опочки оценены в совершенно фантастическую величину — более 16.000, а в другом месте даже более 20.000 человек (Сборник, 1895: 480–481; Сборник, 1887: 64–65)! Вряд ли армия Острожского, приведенная под Опочку, в целом достигала такой численности. В этом смысле русская государственная пропаганда действовала аналогично литовской, беспредельно раздувавшей потери московских полков под Оршей.

А.А. Зимин произвел анализ польско-литовских источников, и вывел по ним более правдоподобную цифру: при штурме города одни наемники потеряли около 1500 бойцов убитыми и ранеными. А по данным русского пленника Тимофея Рупосова, сбежавшего от литовцев, предварительно получив у них сведения о битве за Опочку, — приблизительно 5.000 убитыми, ранеными и пленными (Зимин, 1972: 184; Сборник, 1887: 234). По словам того же Т. Рупосова, король Сигизмунд I с досадой называл Опочку «бесовой деревней».

Даже авторы польских хроник, весьма не расположенные к Московскому государству, признавали: под Опочкой, особенно во время штурма, королевское войско понесло тяжелые потери. Так, Мартин Бельский сообщает: стреляя по атакующим воинам и сбрасывая на них бревна, русские многих убили. Камнем, брошенным из крепости, смертельно ранен был знатный шляхтич Анджей Боратынский герба Корчак, впоследствии скончавшийся от раны в Вильно (Kronika, 1764: 485). Мачей Стрыйковский, последовательный недоброжелатель Москвы, признавал: немало чешских наемников легло тогда у стен Опочки, пораженных стрельбой, а также камнями и колодами, летевшими сверху (Stryjkowski, 1846: 391).

Императорский посол считал, что поражение под Опочкой разрушило все планы польского короля на достойный мир с Россией. Его сообщение об исходе переговоров достойно доверия, поскольку Герберштейн находился в самой гуще переговорного процесса и, потерпев неудачу, должен был внятно объяснить ее причины. Вот его объяснение: «После того, как войско польского короля ничего не добилося под Опочкой, — а рассчитывалось, что если эта крепость¹ будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, — великий князь¹ сделался высокомерен, не захотел принять мира на равных условиях» (Герберштейн, 2007: 395).

¹ Василий III, великий князь московский.

Блестящая победа под Опочкой имела и другое значение: со времен взятия Смоленска в 1514 г. русская армия не имела крупных боевых достижений. На вражеский успех под Оршей долгое время не удавалось ответить ничем значительным. И вот — новый боевой триумф, вражеская армия с тяжелыми потерями отступает от стен незначительного русского городка. На воевод и рядовых воинов, вот уже пять лет сражавшихся с литовцами за государя Василия III, Опочка должна была произвести ободряющее воздействие: дан ответ за Оршу!

Ни разряды, ни летописи, ни какие-либо другие источники не содержат свидетельств о более поздних военных службах князя А.В. Ростовского.

Итоги военной деятельности этого незаурядного военачальника поражают воображение. За четверть века он побывал на всех «фронтах» Московского государства, принял участие более чем в двух десятках боевых выходов, притом около половины операций он возглавлял! Это значит, что князя А.В. Ростовского использовали на ратном поле с необыкновенной интенсивностью как Иван III, так и Василий III. Ему доверяли, его бросали на «критические» направления боевых действий, его держали на первых ролях — за исключением начальных походов Александра Владимировича и краткого периода после казанской катастрофы 1506 года. Да и то нет четкого понимания: уменьшилось ли к нему доверие после Казани, или, может быть, просто обстоятельства складывались так, что воеводе пришлось довольствоваться менее значительными должностями в силу каких-то чисто оперативных причин.

Князь А.В. Ростовский одержал несколько крупных побед. В 1500 г. он взял Торопец, в 1501-м — выиграл у литовцев бой под Мстиславлем, а в 1517-м тактически переиграл и заставил отступить гетмана Острожского под Опочкой. Можно констатировать: Александр Владимирович занимает выдающееся место даже в галерее «железных волков» Ивана III — блестящих полководцев, коими столь богато было время рождения Московской державы.

На его примере видно, как выходцы из семейств князей-Рюриковичей, еще недавно являвшихся независимыми (или хотя бы полунезависимыми) правителями на политической карте Руси, находили место в служилой аристократии при дворе московских государей. Верная служба, подкрепленная знатностью и личными дарованиями, открывала перед ними богатую перспективу. Лучшие, как князь А.В. Ростовский, получали благоволение московских правителей, боярский чин и место в Думе, а их отпрыски наследовали твердые позиции для собственной карьеры. Россия же обретала в их лице достойную военно-политическую элиту.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев Ю.Г. Первые шаги к морю // Балтийский вопрос в конце XV—XVI вв. Сборник научных статей. М., 2010
- Базилевич К.В. Внешняя политика Русского государства. М., 2001.
- Борисов Н.С. Иван III. М., 2000.
- Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. Т. 8. М., 1859
- Герберштейн С. Московия. М., 2007.
- Ермолинская летопись. Приложение 2-е. // Полное собрание русских летописей. Т. 23. М., 2004.
- Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.

- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Иоасафовская летопись. М., 1957.
- История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. М., 2000.
- Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1992.
- Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995.
- Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. Т. 28. М., 1963.
- Летопись по Архивскому списку // Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Полное собрание русских летописей. Т.3. СПб., 1879.
- Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936. С. 109.
- Нарысы гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Ч. 1.
- Никоновский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Вып. 1. М., 1904.
- Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1.
- Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1980. Вып. 3 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич.
- Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1982. Вып. 4 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич.
- Псковская 1-я летопись // Псковские летописи. ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003
- Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1475-1605 гг. Том I. Часть I. М., 1977.
- Сагановіч Г.М. Айчыну сваю баронячы. Канстанцін Астрожскі. Мн., 1992.
- Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882.
- Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884.
- Сборник РИО. Т. 53. СПб., 1887.
- Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895.
- Софийская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.
- Софийская 2-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.
- Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 24. Пг., 1921.
- Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
- Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. М., 1907.
- Kronika Marcina Bielskiego // Zbior dziejopisów polskich. Warszawa, 1764. Т. 1.
- Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka... Warszawa, 1846. Т. II.
- Wasilewski L. Litwa i Białorus. Przeszłość-terazniejszość — tendencje rozwojowe. Kraków, 1913.
- Wapowski B. Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec, kantora katedr. Krakowskiego cz. ostatnia (1480–1535), czasy podługoszowskie obejmująca // Scriptorum rerum Polonicarum. Kraków, 1874. V. 2.

СЛУЖИЛАЯ БИОГРАФИЯ КНЯЗЯ Ф.М. ТРУБЕЦКОГО КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

Род князей Трубецких восходит к великому князю литовскому Гедимину (Зимин, 1988: 124). Первый представитель этого рода, получивший по своим владениям в Трубчевске прозвание Трубецкого, был вторым сыном Ольгерда, — Великого князя Литовского и сына Гедимина (Там же: 127). Князья Трубецкие, в отличие от родственных Бельских, не укрепили свое положение в Великом княжестве Литовском брачными связями с правящим домом. К концу XV в. их род сильно разросся, и князья утратили при литовском дворе тот высокий статус, который имели по праву крови (Кром, 1995 : 59–60).

В 1500-1503 гг. огромные массивы Литовских земель входят в состав Московского государства. Волей-неволей под власть Москвы перешли и князья Трубецкие (Там же: 98). В Московском государстве они получили статус служилых князей, сохранив за собой родовые владения¹.

Статус полусуверенных правителей давал Трубецким возможность дистанцироваться от великокняжеского двора. Они не стремятся занимать высокие должности в войске и государственном аппарате. За неполные семь десятилетий московской службы нам не известно ни одного местнического дела с их участием².

Должности, которые князья Трубецкие реально занимали в ходе службы, свидетельствуют о почетном, но второстепенном положении этого рода в Московском государстве. Первое поколение Трубецких привлекалось воеводами в полки и в города, но лишь одному из них, Семёну-Богдану Трубецкому, довелось командовать самостоятельным полевым соединением. Четыре раза он возглавлял войска, стоявшие на беспокойной южной границе (Разрядная книга, 1977: 332, 353, 361, 388). Другой князь, Семён Трубецкой-Персидский, в разрядах дважды назван боярином (Там же: 258, 269), что может говорить если и не о думном чине, то хотя бы об исполнении обязанностей, традиционно связанных с думным чином. Во втором поколении ситуация не изменилась. Трубецкие занимают второстепенные посты в армии; из всего поколения только отец Ф.М. Трубецкого удостоивается чести возглавлять самостоятельное полевое соединение — дважды. Думных чинов они не получают.

На этом фоне карьера Федора Михайловича Трубецкого выделяется в двух направлениях. Во-первых, ни один из представителей этого рода до Федора Михайловича не служил так активно. Обычно их имена упоминаются в разрядах не более десяти раз. Имя Федора Михайловича упоминается более шестидесяти раз; т.е. интенсивность службы изменилась кардинально. Можно сказать, что в третьем поколении род князей Трубецких вышел из состояния отчужденности и встал в ряды московской государственной элиты.

Во-вторых, ни один из предков Ф.М. Трубецкого не достигал таких служебных высот.

Первые шаги Ф.М. Трубецкого на государственной службе не предвещали больших изменений. Сопоставляя два первых упоминания князя Федора в источниках, мы приходим к выводу, что он не торопился с выходом на службу — или же чрезвычайно

¹ А.П. Павлов предполагает, что даже в конце XVI в. Трубецкие продолжали пользоваться суверенными правами на своих родовых землях (см.: Павлов, 1992: 160, 161).

² Первое местническое дело относится к 1567 г. (см.: Эскин, 1994: 56).

медленно рос в чинах. Его первая разрядная должность, которую он получил в Полоцком походе 1562/3 гг. — *есаул* (Баранов, 2004: 131), что на две ступени ниже должности воеводы. Для Гедиминовича это должность низкая, тем более, что князь Федор вступил в служилый возраст от 5-ми до 15-ти лет назад¹.

Однако, после похода динамика роста меняется. Уже на следующий год (1564 г.) Федор Михайлович получает воеводскую должность на южной границе (Разрядная книга, 1981: 153). Как раз в это время Москва пытается отодвинуть степную границу дальше на юг; за Окой строятся новые города-крепости (Павлов-Сильванский, 1998: 109). Ф.М. Трубецкому поручают командование одной из таких крепостей — Дедиловом. В помощь ему дается второй, более опытный воевода — сначала кн. Ю. Барятинский, затем — кн. Ф.И. Татев (Разрядная книга, 1981: 178).

Набеги в то время случались постоянно, различаясь лишь масштабами. Весной следующего, 1565 года, приходит весть, что готовится крупный набег. На берег Оки посылают «больших воевод» (Там же: 183); воеводы пограничных городов-крепостей приводят туда свои отряды (Там же: 184). Федора Трубецкого с дедиловским отрядом определяют в полк правой руки, под начало князя Ивана Мстиславского (Там же: 185). В разрядах содержится тайная роспись, из которой следует, что войска должны были разделиться: князь И.Ф. Мстиславский выдвигался вперед, навстречу неприятелю, князь И.Д. Бельский оставался прикрывать границу по Оке (Там же: 187). Дедиловский отряд во главе с Трубецким оставался на Оке с князем И.Д. Бельским.

Через короткое время «больших» воевод отзывают с границы (Там же: 189–191). Прикрывать южные рубежи теперь должно новое войско из пяти полков. Во главе его ставится совсем еще не опытный князь Федор Трубецкой (Там же: 191). Для него это совершенно новая степень ответственности: в своем первом отряде он имел одного воеводу и двух голов (Там же: 185–186)², а теперь ему подчиняются девять воевод, у каждого из которых в подчинении свои головы.

В сентябре Федора Трубецкого отпускают с Дедиловского воеводства (Там же: 201). На южной границе он успел прослужить полтора года или чуть меньше. За это время из воеводы одной из мелких крепостей он успел на короткое время стать руководителем обороны всей южной границы. Следующие два года он не появляется в разрядах.

В 1567 году его назначают первым воеводой передового полка в намечающийся Литовский поход. Это ответственная должность, подходящая для зрелого воеводы — возглавлять полк в большой армии в важном походе. Однако для местнической чести важна была не сама должность, а знатность людей, с которыми придется служить бок о бок. В росписи похода 1567 года на должность, равную по чести, был назначен князь И.Ю. Голицын, также Гедиминович. Князь Трубецкой, получив назначение, «списков не взял», сочтя равенство с Голицыным «потерькой» (Разрядная книга, 1982: 226).

¹ Имя Ф.М. Трубецкого содержится в Дворовой тетради, первоначальный текст которой датируется 1551/2 г.; судя по форме записи, её следует относить к этой редакции. Обычно недоросли выходили на службу в 15 лет; хотя в Дворовую тетрадь их могли записать и раньше, именно этот возраст считался совершеннолетием. Поэтому ориентировочно 1552 год можно считать датой совершеннолетия Ф.М. Трубецкого. Для большей точности мы берем погрешность в 5 лет.

² Настораживает, что в этом списке не названы сходные полки из окраинных городов — кроме полка из Дедилова, который почему-то назван в полку Бельского, хотя должен был стоять с полком Мстиславского. Чем это объясняется — не ясно.

По всем местническим критериям, Иван Юрьевич Голицын не только был ровней Трубецкому, но сильно превосходил его. Род Голицыных вел свое происхождение от старшей ветви Гедиминовичей (Павлов, 1992: 41); поступив на службу Московским князьям за столетие до Трубецких, Голицыны имели больше заслуг перед великокняжеским домом (Зимин, 1988: 31–34). Предок И.Ю. Голицына, Юрий Патрикеевич, был женат на дочери Василия I. Из Голицыных выходили крупные политические деятели; многие из Голицыных имели думные чины. Сам Иван Юрьевич поступил на службу раньше Трубецкого, на 4-5 лет раньше получил воеводскую должность (Разрядная книга, 1981: 69); был воеводой Пронска (Разрядная книга, 1982: 76), Деилова (Там же: 140), Калуги (Там же: 154–155), Брянска (Там же: 155), Рязани (Там же: 180), а возможно, также и Тулы (Там же: 74, 203).

Тем не менее, Ф.М. Трубецкой отказался признать его равным себе; и, что более удивительно, его заявка на превосходство была принята властью. Ему позволено было не идти в поход, что в местническом смысле означало победу над князем Голицыным.

В следующем, 1568 году, возможно, по ошибке, разряды называют князя Трубецкого боярином (Там же: 231). Весной этого года он стоит под Вязьмой во главе сторожевого полка. В том же году он получает Тульское воеводство (Там же: 233).

До середины XVI века линия обороны от крымских татар проходила по Оке; главным столпом обороны был город Коломна. С выдвижением границы дальше в «поле», на Юг, роль Коломны переходит к Туле (Павлов-Сильванский, 1898: 109). Назначение Ф.М. Трубецкого первым воеводой Тулы автоматически ставит его во главе обороны всей степной границы: ему подчиняется сходное войско приграничных городов, в которое летом 1568 года входят отряды из Деилова, Орла, Рязани, Новосили, Донкова и Пловы (Разрядная книга, 1982: 236). В начале осени Ф.М. Трубецкой возглавляет войска из Тулы, Рязани, Донкова, Пловы и Деилова, чтобы отбить набег Шефира Мурзы Сулешева сына (Там же: 238).

Еще два года князь Трубецкой не появляется в разрядах. Весной 1570-го года, в преддверии очередного набега, его назначают воеводой в Калугу (Там же: 256). В конце лета приходят вести о готовящемся полномасштабном вторжении, и на берег посылаются первые воеводы страны — князья Мстиславский и Бельский. Ф.М. Трубецкой снова стоит в Калуге, но теперь уже в качестве командира опричного отряда из четырех полков (Там же: 261). Август 1570 года — это первое упоминание о вхождении Ф.М. Трубецкого в опричнину.

Следующий год стал поворотным в биографии Федора Трубецкого. Это был 1571 год, когда войска Дивлет-Гирея прорвались к Москве и сумели поджечь её. Опричное войско, с которым Иван IV вышел навстречу неприятелю, показалось царю не достаточно надежным (Флоря, 2009: 290); он принял решение оставить столицу и уйти вглубь страны, сохраняя власть и возможность действовать. В этот сложный момент царь сместил с поста главы опричного войска своего шурина, М.Т. Черкасского, и назначил на его место Ф.М. Трубецкого (Разрядная книга, 1982: 278; см. также: Флоря, 2009: 291–292).

Состоявшаяся в том же году царская свадьба показала благоволение царя роду Трубецких: высокая честь была оказана не только князю Федору, но также «боярыням» — жене его дяди, его матери и его жене. Сам Федор Михайлович получает титул боярина (Разрядная книга, 1982: 286–287).

Подведем черту и оглянемся. За неполные девять лет представитель третьего поколения князей Трубецких прошел путь от есаула до дворового воеводы. Чем можно объяснить столь стремительный взлет?

Можно сделать несколько предположений. Как уже говорилось, первые два поколения князей Трубецких не стремились играть какую бы то ни было роль в Москов-

ском государстве: они верно служили своему новому государю, но не старались занять место в московской местнической иерархии. Статус служилых князей, обладающих собственным полусуверенным уделом, давал им такую возможность. На третьем поколении ситуация меняется, и князь Трубецкой начинает вести себя так, как свойственно представителю служилой знати — в частности, вступает в местнические тяжбы. Вот тогда-то и сказывается знатность происхождения, которая в короткий срок выносит Гедиминовича к вершинам власти.

Однако, это объяснение оставляет многое неясным. Сам по себе интерес к государственной службе не мог гарантировать Трубецкому быстрое продвижение по карьерной лестнице. Знатность Трубецких на протяжении полувека не подтверждалась ни думными чинами, ни высокими назначениями. Она никак не объясняет победу Трубецкого в местническом деле с более знатным Голицыным. Наконец, не ясно, как аристократическое происхождение могло помочь князю занять высшую военную должность в опричнине, где до него не было ни одного титулованного аристократа, сравнимого с ним по знатности (Володихин, 2011: 165, 175). Самым загадочным остается вопрос, как у Ивана Грозного возникло такое доверие карьеристу из служилых князей. к потомку удельных князей, сделавшему головокружительную карьеру.

На наш взгляд, в последнем соображении кроется ключ к пониманию ситуации. Доверие царя вряд ли могло стать конечной точкой карьерного взлета; зато оно вполне могло быть его отправным пунктом. Заручиться личным участием государя молодой князь мог во время Полоцкого похода, который царь возглавлял лично. Если принять эту гипотезу, не сложно будет объяснить и быстрый служебный рост, и местническую победу¹, и включение в опричнину, и доверие со стороны царя в момент опасности.

История Ф.М. Трубецкого — яркий, но не единственный случай, когда участие в Полоцком походе оказало влияние на карьеру в опричнине. Многие участники этого похода со временем войдут в опричную военную иерархию. Причем в нижнем слое воеводского корпуса их доля не велика (33%); в среднем — больше половины (63%), а в высшем — это 6 из 8 (75%). Это доказывает, что участники похода распределялись по военной организации опричнины не механически, а с преимуществом; т.е. что участие в походе было положительным фактором при подборе людей на важные должности (Володихин, 2011: 258–259).

После стремительного взлета первых девяти лет в службе Ф.М. Трубецкого начинается новый этап, который будет продолжаться до конца правления Ивана IV. В этот период царь будет с удивительным постоянством назначать Трубецкого первым дворовым воеводой в каждый свой поход. За тринадцать лет (1571—1584 гг.) Федор Михайлович получит десять таких назначений².

Должность первого дворового воеводы означала командование в сражении самой многочисленной и боеспособной частью войска. Кроме того, это должность придворная, требующая постоянного общения с государем. Наконец, на военном совете голос дворового воеводы, как наиболее приближенного к государю и отвечающего за самый крупный и сильный полк, должно было иметь наибольший вес. Таким образом, на протяжении последнего десятилетия правления Ивана IV Ф.М. Трубецкой совмещал

¹ В историографии местнические победы Трубецких устойчиво объясняются благоволением к ним Ивана IV (см.: Эскин, 2009: 117; Павлов, 1992: 41).

² Шведский зимний поход 1571-1572 гг.; шведский весенний поход 1572 г.; зимний поход 1572-1573 гг. в Ливонию; весенний поход 1574 г. в Серпухов; весенний поход 1576 г. в Калугу; ливонский поход 1577 г.; летний поход 1579 г. «на Немецкую и Литовскую землю»; весенняя роспись 1581 г.; летний «поход» в Старицу 1582 г.; весенняя перепись 1583 г.

обязанности полкового воеводы, придворного и стратега. Судя по тому, что, меняя вторых воевод, первым царь неизменно назначал Ф.М. Трубецкого, можно прийти к мысли, что царь был доволен тем, как Трубецкой справляется со своими обязанностями.

После смерти Ивана Грозного Ф.М. Трубецкому пришлось выступить в роли политического деятеля. В разгоревшейся политической борьбе высокородный аристократ и заслуженный воевода, к тому же глава Дворовой думы Ивана IV, мог многое изменить, поддерживав ту или иную группировку.

Можно выделить четыре этапа политической борьбы при приемниках Грозного. Два из них относятся к разряду династической борьбы — это борьба сторонников царевича Федора и сторонников царевича Димитрия, которая закончилась удалением последних в Углич, и борьба Годуновых с Романовыми, закончившаяся ссылкой последних. Другие два не так однозначны: в них речь идет о выборе курса дальнейшего развития Российской государственности. На этих двух этапах хотелось бы остановиться подробнее.

Первый из них проходил в марте 1584 года, когда обострилось противостояние между группой худородных думных дворян, введенных в состав Государева двора по воле Ивана Грозного, — и остальной знатью. Значение этой борьбы и возможные последствия того или иного ее исхода остаются за рамками данной работы; для нас важна позиция Ф.М. Трубецкого, который, вопреки логике своего происхождения, поддержал худородных думных дворян (Павлов, 1992: 30). Заметим, что такую же позицию занял Б.Ф. Годунов.

На втором этапе борьбы столкнулись две группировки знати: титулованные аристократы и выходцы из московского боярства. И снова вопреки логике Ф.М. Трубецкой поддержал чуждую себе по происхождению, боярскую, группировку (Там же: 41–42). Здесь их позиции снова совпали с Б.Ф. Годуновым, который возглавлял лагерь старомосковского боярства, и которому удалось завершить эту борьбу разгромом лагеря противников.

Обратим внимание на то, что на каждом из приведенных этапов Ф.М. Трубецкой выступал против лагеря аристократов. Притязания титулованной знати сводились к ограничению царской власти в свою пользу по польскому образцу (Там же: 43). Федор Михайлович, возвышенный благодаря личному участию государя, последовательно сопротивлялся попыткам аристократов ограничить власть монарха. В конкретных исторических условиях поддержка сильной царской власти означала поддержку Бориса Годунова. Этим, по-видимому, объясняется также и позиция Ф.М. Трубецкого на династических этапах политической борьбы.

Деятельность Федора Михайловича в эти годы не ограничивается политической борьбой. В мае 1584 года он назначается возглавлять оборону южной границы — третий раз в своей жизни (Разрядная книга, 1966: 342; Разрядная книга, 1974: 202). В этот год татарская рать пришла по реке и захватила большой полон. Из Москвы специально был прислан отряд думного дворянина М.А. Безнина, который Трубецкой усилил своими людьми. Этот отряд встретил татар под Калугой и разбил их наголову, отобрав полон (Разрядная книга, 1987: 40).

Через два года Ф.М. Трубецкой был назначен руководить какими-то работами в Новгороде, которые в разряде скупно обозначены словосочетанием «город делати» (Разрядная книга, 1966: 374). Вторым воеводой Д.А. Ногтев-Суздальский, посланный под его начало, затеял местническую тяжбу с Трубецким, за что получил от царя жесткий выговор. Царь был недоволен тем, что Д.А. Ногтев «такое государево великое городовое дело покинул» (Там же: 375).

После этого Ф.М. Трубецкой дважды принимал участие в крупных шведских походах. Формально, он занимал вторую по значимости должность — воевода полка

правой руки; однако безусловно более знатный воевода большого полка — Ф.И. Мстиславский, — не выделялся военным талантом и, к тому же, был вдвое моложе князя Трубецкого. Это позволяет думать, что реальная роль Ф.М. Трубецкого в этих походах была более значительной, чем следует из формальной иерархии.

Этот факт особенно подчеркнут в разрядах применительно ко второму из этих походов — Выборгскому походу 1591 года. Разряды настойчиво повторяют: царские грамоты в этот поход писались к Мстиславскому и Трубецкому (Разрядная книга, 1989: 12, 15), — не к одному Мстиславскому. Таким образом Ф.М. Трубецкой и формально признавался ответственным за действия армии в этом походе.

Успешность этого похода оценивается неоднозначно. С одной стороны, разные источники доносят сведения о том, что русские войска нанесли серьезный урон шведам, «втоптав» (Там же: 17) в город их войско, разорив обширную территорию и захватив полон (ПСРЛ, 1910: 10, 44; ПСРЛ, 1978: 196). Псковская третья летопись оценивает этот поход критически, — однако её оценка могла пострадать от негативного отношения к роду Годуновых, представитель которого занимал одну из ведущих должностей в этом походе. Р.Г. Скрынников называет этот поход родом «военной демонстрации» (Скрынников, 1981: 92); однако своевременно проведенная демонстрация порой может оказать существенное воздействие на ход войны. В целом, вопрос значения Выборгского похода требует более подробного изучения.

Последнее назначение Федор Михайлович получил в 1598 году; однако это было уже не боевое, а скорее почетное назначение — возглавлять оборону «в старом в большом в каменном городе» (Разрядная книга, 1991: 28) в Москве во время похода Бориса Годунова под Серпухов. Скорее всего Федора Михайловича не взяли в поход по состоянию здоровья или по ветхости лет. Скончается князь Ф.М. Трубецкой через три года, в 1602 г., по некоторым сведениям, приняв перед кончиной иноческий постриг с именем Феодосий (Павлов, 1992: 80).

Для рода Трубецких поддержка партии Годунова обернулась крупной местнической выгодой. Правитель, заинтересованный в поддержке Трубецких, способствовал их победам над родами, близкими по положению.

В 1585 г. Голицыны попытались оспорить сложившееся при Иване Грозном превосходство Трубецких, однако им было отказано (Эскин, 1994: 82). В 1588 году Голицыны и родственные им Куракины инициировали четыре дела против Трубецких, по одному из которых суд не был вершен, а три других были зачтены в пользу Трубецких (Там же: 88–89, 91). В 1589 году между представителями родов Трубецких и Булгаковых (Голицыных и Куракиных) был установлен порядок старшинства, выгодный для Трубецких; однако и этот порядок на практике нарушался (Павлов, 1992: 41). Голицыны местничались с Трубецкими в 1591, 1596 и 1597 годах (Эскин, 1994: 100, 111, 114). В 1598 году старшего из Голицыных, Ивана Ивановича, признали «меньше местом» младшего из Трубецких (Тимофея Романовича) (Эскин, 1994: 114; Павлов, 1992: 41). Попытка Голицыных оспорить назначение в 1602 году также закончилось неудачей (Эскин, 1994: 124).

Трубецкие вступали в тяжбы и с Шуйскими. Не ясно, чем кончились дела 1584-го и 1597-го годов (Там же: 81, 113); в 1591 году Тимофей Романович Трубецкой бил челом на старейшего из Шуйских — В.Ф. Скопина, и его челобитье было признанно и записано в разряде (Там же: 103).

В 1586 году с Ф.М. Трубецким пытался местничаться князь Д.А. Ногтев-Суздальский (Там же: 85). Как уже говорилось, в связи с важностью порученного дела ответ был получен суровый: «не токмо со князем Федором Данилу месничатца непригоже, и менши меншой брата князь Федоровой быти князю Данилу достойно» (Разрядная книга, 1966: 375).

В 1590 и 1592 гг. проходило дело между Ф.М. Трубецким и М.П. Катывревым-Ростовским — знатнейшим из князей Ростовских (Павлов, 1992: 64). Это местничество также закончилось победой Трубецкого (Эскин, 1994: 96), хотя в последствии М.П. Катывреву была выдана безместная грамота (Разрядная книга, 1966: 418).

Таким образом, за годы правления Федора Ивановича и Бориса Федоровича род Трубецких закрепил за собой статус, полученный при Иване IV.

История службы Федора Михайловича Трубецкого совмещает в себе многие характерные черты своей эпохи. Поднявшись в своем служебном и местническом положении ровно настолько, насколько мог претендовать по знатности рода, князь Ф.М. Трубецкой все же отразил в своей биографии и такую характерную черту времени, как головокружительный карьерный взлет. За пять-шесть десятилетий, проведенных им на государевой службе, он сумел побывать в роли полкового воеводы, командующего армией, члена военных советов, придворного и политика. Войдя в верхний эшелон опричной военной иерархии, Ф.М. Трубецкой пережил и опричнину, и ее создателя, не испытал опалы и не утратив доверия государей.

Будучи сыном своего времени, князь Трубецкой провел большую часть жизни на государевой службе. Если что-то и отличало его карьеру от большинства его сверстников из служилых семей, так это поздний выход на службу: первое назначение, зафиксированное в разрядах, князь получил в возрасте от 20 до 30 лет. Сказывался особый статус служилых князей. Однако с этого момента Федор Михайлович находился на службе до самой смерти. За четыре десятка лет князь Трубецкой получил шесть десятков назначений, среди которых находим командование гарнизоном небольшой пограничной крепости, отрядами на границе, отдельным самостоятельным соединением и центром приграничной линии; участие в одиннадцати крупнейших походах во главе с царем на ответственной должности первого воеводы государева полка; командование вторым по значению полком в двух самых известных походах Русско-шведской войны 1590-1595 гг.; разнообразные придворные и дипломатические поручения. Как представитель российской элиты XVI века, князь Ф.М. Трубецкой служил бессрочно, не мысля активной жизни вне государевой службы. Эта пожизненность службы и готовность представителей военно-политической элиты нести её тяготы до конца своих дней являются одной из важных отличительных черт Российского государства XVI столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
- Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
- Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV-первой трети XVI в. М.: Археографический центр, 1995.
- Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992.
- Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб.: 1898.
- ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. Т. 14. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. Новый летописец. СПб., 1910. Т. 34. Постниковский летописец. Пискаревский летописец. Московский летописец. Бельский летописец. М.: Наука, 1978.
- Разрядная книга 1475-1598. М.: Наука, 1966.

- Разрядная книга 1559-1605. М.: Наука, 1974.
- Разрядная книга 1475-1605. Том I. Часть II. М.: Наука, 1977.
- Разрядная книга 1475-1605. Том II. Часть I. М.: Наука, 1981.
- Разрядная книга 1475-1605, Том II. Часть II. М.: Наука, 1982.
- Разрядная книга 1475-1605. Том III. Часть II. М.: Наука, 1987.
- Разрядная книга 1475-1605. Том III. Часть III. М.: Наука, 1989.
- Разрядная книга 1475-1605. Т. IV. Часть I. М.: Наука, 1991.
- Скрынников Р.Г. Россия накануне смутного времени. М.: Мысль, 1981.
- Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2009 (Жизнь замечательных людей).
- Эскин Ю.М. Местничество в России XVI-XVII вв. Хронологический реестр. М.: Археографический центр, 1994.
- Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М.: Квадрига, 2009.

М.А. СТАХОВИЧ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Одним из незаслуженно забытых общественных и политических деятелей царствования Николая II является орловский дворянин и земец Михаил Александрович Стахович, один из основателей "Союза 17 октября" и Партии мирного обновления. Он по рождению относился к сливкам провинциального дворянства, т.е. к слою, из которого, при определенных обстоятельствах, могло рекрутироваться пополнение столичной придворной аристократии Российской империи. В настоящее время эта своеобразная политическая фигура постепенно выходит из забвения (См. например: Орловский мудрец, 2011; Гуларян, 2012). У своих современников М.А. Стахович вызывал противоречивые чувства.

Например, на открытии в Москве 8-12 февраля 1906 года Первого съезда «Союза 17 октября» А.И. Гучков в своей речи отметил: «В наших рядах мы имеем таких видных общественных деятелей как Д.Н. Шипов и М.А. Стахович. Д.Н. Шипов одним из первых начал борьбу с правительством за право участия народа в законодательной деятельности, М.А. Стахович первым возвысил голос за свободу совести» (Партия, 1996: 113).

Другой современник, В.И. Гурко¹ так характеризовал приближенных министра С.Ю.Витте М.А. Стаховича А.Д. Оболенского: «Дилетантизм [...] был основной чертой Стаховича, лишённого к тому же государственного понимания и даже смысла. Это отсутствие государственности, которым отличались многие представители нашей либеральной земщины, было типичной особенностью обоих вдохновителей Витте в эпоху его борьбы с Плеве и далее, вплоть до его пребывания в течение нескольких месяцев русским премьером, но из двух кн. Оболенский был, несомненно, легкомысленнее и самонадеяннее Стаховича. Типичные продукты эпохи, они олицетворяли в его двух разновидностях мягкотелый русский земский либерализм, сплетенный из отсутствия глубоких познаний, поверхностного ума и туманных чаяний космополитического уклона» (Гурко, 2011: 257–258).

А известный своими консервативными взглядами публицист С.А. Нилус (орловский дворянин и помещик) напечатал в 1899 году в № 340 «Московских ведомостей» статью против переизбрания М.А. Стаховича на пост губернского предводителя дворянства, где заявил: «Близка наша гибель, если во главе российского дворянства будут стоять идейные космополиты, тем более опасные, что Бог не обидел их крупными дарованиями» (Цит. по: Гуларян, 2012: 186).

М.А. Стахович «Младший» (1861-1923) - родился в селе Пальна Елецкого уезда - родовом имении дворянской фамилии Перваго-Стаховичей. Дворянский род Стаховичей известен с XVII века, внесен в родословные книги Полтавской, Черниговской, Орловской и Московской губерний. Он ведет свое происхождение от шляхтича Федора Стаховича, «вышедшего» в Россию и записавшегося в казаки. Его сын Андрей стал городничьим сотником, и пользовался большим авторитетом среди казачества. После измены Мазепы и избрания новым гетманом Скоропадского Петр I якобы сказал Андрею Стаховичу: «А гетманом-то следовало быть тебе». В 1819 году его потомок, полковник артиллерии Александр Иванович Стахович женился на елецкой дворянке Наталье Михайловне Перваго (род Перваго происходит от первого конюшего князя Василия Тем-

¹ Русский государственный деятель, публицист, член «Русского Собрания», сподвижник П.А.Столыпина, участвовал в подготовке аграрной реформы.

ного) и получил в приданое имение Пальна, которое становится родовым гнездом орловских Стаховичей.

Для характеристики духа этой семьи уместно процитировать воспоминания одного из племянников Михаила Александровича, Михаила Алексеевича Стаховича: «Паленские Стаховичи за исключением, быть может, одного только дяди Саши¹, человека искреннего, но неуравновешенного, были все монархистами, но того гуманно-либерального духа, который веял в первые годы царствования Александра II» (Цит. по: Орловский мудрец, 2011: 11–12).

По меткому замечанию самого М.А. Стаховича «Младшего», он «ненавидел крепостничество понаслышке», поскольку вырос и сформировался в эпоху либеральных реформ, на идеях Ф.Ф. Самарина, Б.Н. Чичерина, И.И. Васильчикова, А.Ф. Кони. Убийство Александра II и поворот к реакции, осуществленный Александром III, стали для него большим потрясением. Это потрясение вызвало у М.А. Стаховича и других либерально воспитанных молодых людей неприятие режима. В своих воспоминаниях Стахович с гордостью писал о том, что на государственной службе пробыл всего одиннадцать месяцев, да и то потому, что отец разгневался на него за студенческие долги (Семья, 1996: 135–164).

Уйдя с государственной службы, М.А. Стахович становится общественным деятелем (уездным, а потом губернским земским гласным). С 1892 по 1895 год он избирается Елецким уездным, а с 1895 по 1907 годы — Орловским губернским предводителем дворянства. На этой должности Стахович способствовал развитию народного образования и земского самоуправления в губернии (Там же: 222). Но именно пребывание на этой должности привело к столкновению с С.А. Нилусом, который активно выступал против переизбрания М.А. Стаховича на этот пост.

Орловское губернское земское собрание представляло собой своеобразное явление. Современник описываемых событий, хороший знакомый М.А. Стаховича, князь В.А. Оболенский в своих воспоминаниях так характеризует Орловское земство: «По своему составу Орловское губернское земское собрание было одним из наиболее блестящих. Большинство в нем состояло, я бы сказал, из просвещенных консерваторов, но считалось оно либеральным ибо в те времена (до революции 1905 года) всякий земец, стоявший за просвещение народа, за развитие земской медицины, агрономии и т.д. почитался за либерала. Для периода, предшествующего революции, было вообще довольно характерным явлением, что земства, в которых главную роль играли крупные землевладельцы и сановники, позволяли себе более резкие выступления против правительства и его местных представителей, чем земства мелкопоместные, разночинные и крестьянские» (Оболенский, 1988: 321).

Эту важную особенность общественной жизни Российской империи начала XX века подметила в своей работе историк Н.И. Пирумова. По собранным ею данным 90 % земских либералов составляли дворяне, среди них 80 % владели крупными помещичьими имениями; каждый десятый имел громкий дворянский титул. Это обстоятельство позволило Н.И. Пирумовой (Пирумова, 1977: 91) и вслед за ней К.Ф. Шацилло (Шацилло, 1985: 34) сделать вывод, что не экономическая обездоленность, а, напротив, экономическая независимость давала возможность либеральным дворянам стать в оппозицию правительству. Это же предопределило малочисленность русского земского либерализма - 300 человек на всю страну. Конституционных идеалов эти общественные деятели не разделяли, наоборот, считали себя убежденными монархистами, но выступали против злоупотреблений государственной бюрократии. В.А. Оболенский метко заметил

¹ Александр Александрович Стахович «Второй», старший брат Михаила Александровича Стаховича «Младшего».

по поводу этих людей: «Либерализм их заключался лишь в том, что они хотели быть хозяевами того дела, которым они ведали согласно существующим законам» (Оболенский, 1988: 222).

Выразителем взглядов этой части общества стал кружок «Беседа», который был создан 17 ноября 1899 года после того, как Николай II ответил отказом на организованную либеральной частью общественных деятелей кампанию по требованию проведения политических реформ в стране. Кружок объединял земских либералов и «просвещенных» консерваторов, понимавших неизбежность и необходимость проведения преобразований. В деятельности этого кружка принимали активное участие орловские земские деятели - братья М.А. и А.А. Стаховичи. Свое политическое кредо в дискуссиях с другими земцами М.А. Стахович изложил так: «Борьба с бюрократизмом во имя поднятия принципа самодержавия. Если бы в конечном результате наших действий оказалась бы угроза идее Самодержавия, то мы были бы преступниками и нарушили бы программу нашего кружка» (Цит. по: Шацилло, 1985: 119). То есть, несмотря на демонстрацию оппозиционности, М.А. Стахович оставался сторонником увещевания «недогадливого» царя.

Но широкую политическую известность в стране Стахович получил после своей речи на миссионерском съезде в Орле 25 сентября 1901 года. Этот съезд был созван по инициативе Орловского епископа Никанора и стал крупным событием в жизни Русской православной церкви и всей страны (Орловские епархиальные ведомости. 1901. № 38: 1600-1601). В программу съезда были вынесены вопросы об отношении к раскольникам-старообрядцам, сектантам, учению Л.Н. Толстого и «все оглашенные смущения последних годов» (Орловский вестник. 1901. 25 сент.). Свое заключение по этим вопросам должны были дать собравшиеся на съезд миссионеры и священнослужители, представлявшие разные епархии Русской православной церкви.

В последний день съезда М.А. Стахович, приглашенный на съезд в числе других светских чинов, руководящих Орловской губернией, вышел на трибуну и произнес пространную и эмоциональную речь в защиту свободы совести. Свою точку зрения он подкреплял ссылками на Библию и на мнение выдающихся общественных деятелей XIX века Гизо и И.С. Аксакова. Стахович прямо обвинил государство во вмешательстве в дела совести своих подданных, подчеркнув, что нет свободы верования без свободы исповедания. Свою речь Стахович закончил призывом к миссионерскому съезду провозгласить необходимость восстановления свободы совести в России (Орловский вестник. 1901. 25 сент.).

Речь скандализировала миссионерский съезд и вызвала широкий резонанс не только в Орле, но и во всей России. На самом съезде не осталось ни одного участника, который не возразил бы Стаховичу (Орловские епархиальные ведомости. 1901. № 42).

Принимал М.А. Стахович участие и в совещаниях земских деятелей, организатором которых был Д.Н. Шипов, где горячо обсуждал проблему народного представительства. Весной 1902 года он был вызван вместе с Д.Н. Шиповым к министру внутренних дел К.В. Плеве, который предупредил обоих, что если земские деятели не изменят своих убеждений, то им придется отказаться от своих должностей. Представляется, однако, что совещания земских деятелей послужили только предлогом для выговора. В своих воспоминаниях В.И. Гурко пишет, что именно в это время М.А. Стахович вместе с А.Д. Оболенским ввязался в противостояние между министрами Витте и Плеве: «Дело в том, что Витте в то время находился под несомненным влиянием двух людей, а именно кн. Алексея Дмитриевича Оболенского, которого он ввиду этого хотел провести в председатели комитета по пересмотру узаконений о крестьянах, и орловского губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича. Через этих двух лиц, близко знакомых с земскими кругами, Витте, вероятно, впервые ознакомился с деятельностью земских

учреждений и, во всяком случае, впервые осознал тот ореол, которым земство было окружено в общественном мнении» (Гурко, 2011: 253). В сложившейся ситуации Стахович снова сознательно пошел на обострение конфликта: написал Плеве дерзкое ответное письмо, а на курских маневрах, будучи представлен императору, отказался подать находившемуся в свите министру внутренних дел руку (Белоконовский, 1914: 102). От неизбежной отставки его спасло только дружеское расположение Великого князя Михаила Александровича, продемонстрированное во время визита последнего в Орел в 1903 году (Гуларян, 2012: 186).

В 1905 году М.А. Стахович резко меняет направление своей политической карьеры. Еще в августе он начинает усиленно развивать идею создания сильной политической партии. Ее необходимость Стахович обосновывал следующим образом: «Если в частной жизни можно увлекаться известными проектами, то в государственной жизни без опасности для правового порядка это не допустимо. В самом деле, сущность каждой революции заключается в том, что государство отрекается от своих основных принципов - нравственных, религиозных, правовых - и подчиняет свою деятельность одним событиям. А что будет, если и народ окажется охваченным революцией и станет действовать с присущей ему свирепостью, подчиняясь только событиям?» (Орловский вестник. 1905 11 сент.).

Издание Манифеста 17 октября ликвидировало разногласия между земцами-конституционалистами П.А. Гейденом и М.А. Стаховичем с одной стороны и сторонниками Д.Н. Шипова с другой. Газета «Слово» от 1 ноября 1905 года сообщила, что видные представители земств и городов - Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, М.А. Стахович, П.А. Гейден и другие приступили к созданию новой партии. В основу партийной программы положены основные положения Манифеста 17 октября (Шелохаев, 1987: 33).

В тоже время протоколы заседаний ЦК строящейся партии свидетельствуют, что уже тогда существовали определенные трения между Д.Н. Шиповым и М.А. Стаховичем с одной стороны и А.И. Гучковым с другой. Так, на Объединенном совещании петербургского и московского отделений ЦК "Союза 17 октября" 8 января 1906 года Д.А. Шипов и М.А. Стахович предлагали пригласить на учредительный съезд все политические партии, программы которых близки к "Союзу 17 октября", а А.И. Гучков хотел ограничить число участников только членами Союза (Партия, 1996: 51–52)

13 декабря 1905 года в Орле в доме дворянского собрания М.А. Стахович провел совещание своих единомышленников. Обрисовав в длинной речи задачи Союза, он предложил высказаться всем желающим. В "Союз 17 октября" записалось 98 человек из присутствующих. Был избран временный комитет из 10 человек во главе со Стаховичем (Орловский вестник. 1905. 1 дек.).

Одновременно М.А. Стахович являлся посредником на переговорах С.Ю. Витте с общественными деятелями о вхождении последних в правительство. Дело в том, что в октябре 1905 г. учреждалась совершенно новый орган власти: так называемое «объединенное правительство». С.Ю. Витте добился согласия Николая II на привлечение в него общественных деятелей. Однако, и кадеты, и октябристы уклонились от участия в правительстве. Сам же Стахович еще до начала переговоров «определенно и с места заявил, что никакого министерского портфеля принимать не желает» (Гурко, 2011: 257). В своих мемуарах В.И. Гурко объяснял эту позицию Стаховича природной ленью и богемной распушенностью («нежеланием в чем либо себя стеснять»). Однако подобная уничижительная характеристика не соответствует действительности: М.А. Стахович оставался верен своему принципу не иметь дела с бюрократией и занимать только выборные должности. Это подтверждает его деятельность в период избирательной кампании в 1-ю Государственную думу.

Либеральные общественные круги видели в Государственной думе воплощение своей мечты о российском парламенте. Историю земского движения с момента утверждения «Положения о земских учреждениях» можно рассматривать как подготовку к парламентской деятельности. В.А. Оболенский так описывает заседания Орловского губернского земского собрания: «Собиралось оно в огромном двухсветном зале Дворянского собрания, хоры которого всегда были заполнены многочисленной публикой. Ибо каждая земская сессия была большим событием в жизни орловского общества. На председательском месте восседал блестящий М.А. Стахович, являвшийся на открытие сессии в золотом камергерском мундире. Под его руководством прения протекали спокойно, как в маленьком парламенте, и каждому голосованию он предпосылал сжатую и ясную формулу возникших разногласий» (Оболенский, 1988: 281). Теперь земские либералы готовились использовать своеобразный опыт земской демократии в Государственной Думе.

Чтобы стать депутатом 1-й Государственной думы, Стахович использовал особенности избирательной системы, предусматривавшей льготу в пользу крестьян, имевших право избрать по одному депутату от 51 губерний и от Войска Донского. Эта льгота объяснялась почвенническими иллюзиями Николая II. За голоса крестьянских выборщиков и развернулась основная борьба в орловском избирательном собрании 26-27 марта 1906 года.

М.А. Стахович применил запрещенный политический прием: когда крестьяне-выборщики стали прибывать в Орел, он устроил их в дворянском доме-пансионе. Этим Стахович сразу пресек возможность общения выборщиков со своими основными противниками на выборах — кадетами. На закрытом заседании своим представителем в 1-ю Государственную думу орловские крестьяне избрали Н.Д. Алехина, который стал первым депутатом Думы от Орловской губернии. Затем они вошли в общее губернское собрание, и здесь Стахович произнес перед крестьянами энергичную и прочувствованную речь, которая произвела глубокое впечатление на слушателей. Не удивительно, что он был избран вторым депутатом Думы от Орловской губернии (Гуларян, 2012: 188–189). Это не противоречит выводу В.В. Шелохаева о том, что: «Основная масса крестьян...была чужда партии октябристов и не только не вступила в ряды этой господской партии, но и систематически проваливала их на выборах в 1-ю и 2-ю Думы» (Шелохаев, 2007: 47). Здесь сыграли роль личное обаяние М.А. Стаховича и его политический опыт: остальных октябристских (как и кадетских) кандидатов крестьянские выборщики забаллотировали. В результате вместе с крупным помещиком М.А. Стаховичем депутатами 1-й Государственной думы стали шесть крестьян - Н.Д. Алехин, И.П. Голиков, И.С. Бибиков, И.Ф. Степин, А.К. Стефашин, Д.И. Зайцев - и один сельский учитель М.Е. Куканов (Гуларян, 2012: 189).

Поэтому орловские депутаты не составили в Думе единого представительства, разбившись в соответствии со своими взглядами и партийной принадлежностью. М.А. Стахович стал вместе с П.А. Гейденом и Н.С. Волконским одним из признанных лидеров фракции «мирного обновления» (Партия, 1996: 207), в которую вошли все консервативно настроенные депутаты 1-й Государственной думы.

Орловские крестьянские депутаты, на поддержку и любовь которых рассчитывал Николай II, вошли в трудовую группу, добывавшуюся передела помещичьих земель. Особой активностью отличался депутат М.Е. Куканов. Он зачитал на заседании Думы приговор крестьян Куракинской волости Орловской губернии по аграрному вопросу, после чего заявил: «Наша страна земледельческая и благосостояние ее покоится на плечах трудящегося крестьянского населения. Из этого вытекает, что крестьян нужно как можно щедрее, как можно выгоднее наделить землей. Это можно осуществить, ру-

ководствуясь одним великим принципом: "Вся земля - всему народу!"» (Орловский вестник. 1906. 2 июня).

Стахович активно возражал депутатам-трудовикам: «Я, не колеблясь, стою за увеличение площади крестьянского землевладения, считая его совершенно возможным и притом неотложным. Считаю, что это надо сделать щедрее и скорее, но совсем не на тех основаниях, которые здесь приводились. Эта реформа должна быть проведена не из-за веселенького слова "*иллюминации помещичьих усадеб*" и не из-за угроз. Я не скрываю, что я принадлежу к тем староверам, может быть, смешным в настоящее время, которые продолжают считать, что грабеж и насилие - грех и безобразие. Кроме того, я считаю, что к законодательному учреждению никогда нельзя обращаться с угрозами. Не может быть такого правительства, выбранного или назначенного, своего или пришлого, не может быть никакого правительства, которое согласилось бы уступить перед угрозами и насилием» (Орловский вестник. 1906. 8 июня) .

После разгона 1-й Государственной Думы политическая карьера Стаховича делает очередной зигзаг. В июле 1906 года М.А. Стахович вместе с П.А. Гейденем создал новую политическую организацию — «Партию мирного обновления» (Шелохаев, 1987: 156). При этом Стахович продолжает оставаться членом ЦК «Союза 17 октября». Это двойственное положение сохранялось два месяца — август и сентябрь. Поводом к окончательному разрыву со старой партией стало интервью А.И. Гучкова, в котором он выразил полное согласие с курсом нового премьер-министра П.А. Столыпина. После этого Д.Н. Шипов и М.А. Стахович заявили о выходе из «Союза 17 октября», а А.И. Гучков был избран председателем этой партии.

Выход П.А. Стаховича из «Союза 17 октября» произвел тяжелое впечатление на многих октябристов. Один из функционеров «Союза», А.В. Бобрищев-Пушкин прокомментировал этот уход следующим образом: «М.А. Стахович был душой нашей партии; он вел упорную борьбу, чтобы остаться в Союзе, и, только подчиняясь давлению большинства комитета своей партии, он прислал нам отказ» (Партия, 1996: 379). На самом деле выйти из «Союза 17 октября» Стаховича заставило не воздействие со стороны П.А. Гейдена и Д.Н. Шипова, а невозможность сработаться с А.И. Гучковым, более консервативным по своим взглядам, чем три вышепоименованных политика. В политическом спектре Российской империи мирнообновленцы заняли место между октябристами и кадетами.

После разрыва с октябристами, М.А. Стахович выставляет свою кандидатуру во 2-ю Государственную Думу. Сценарий предыдущего губернского собрания полностью повторился: в первый день было избрано два депутата - крестьянин М.А. Карпов и предводитель дворянства М.А. Стахович. После этого собрание заседало еще три дня, пока относительным большинством голосов депутатами не были избраны: профессор С.Н. Булгаков, предводитель дворянства В.Г. Ветчинин, А.А. Стахович (младший брат Михаила Александровича, кадет), князь А.Б. Куракин и крестьяне А.В. Черников и Н.Ф. Шведчиков (Гулярян, 2012: 190).

После разгона 2-й Государственной Думы в июне 1907 года М.А. Стахович становится членом Государственного Совета от Орловского земства, причем был в лучших отношениях с левым крылом Госсовета — академической группой. Через десять лет, после февральской революции 1917 года, М.А. Стахович становится функционером нового буржуазно-демократического режима и назначается Временным правительством генерал-губернатором Финляндии, а в сентябре 1917 — послом в Испанию. Скончался М.А. Стахович во Франции и похоронен на кладбище в Сен Женеьев де Буа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Белоконский И.П. Земское движение. 2-е изд. М., 1914. 399 с.

- Гуларян А.Б. М.А. Стахович: политические взгляды и общественная деятельность // Российская история. 2012. № 2. С.184-192.
- Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 810 с.
- Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Paris: YMCA-Press 1988. 751 с.
- Орловский мудрец, опередивший время. Сборник научных статей. Орел, ИД Орлик, 2011. 196 с.
- Партия "Союз 17 октября". Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х т. Т.1. 1905-1906. М., 1996. 408 с.
- Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. 288 с.
- Семья Стаховичей: Елецкие корни // Очерки истории Елецкого уезда. Выпуск 2. Елец, 1996.
- Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 годов. М.: Наука, 1985.
- Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Наука, 1987. 157 с.

Д.М. Володихин

Один из древнейших памятников южнославянской раннесредневековой историографии получил академическое издание

Летопись попа Дуклянина / Алексеев С.В., перевод и комментарий. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2015. 288 с. Тираж 500 экз. (Серия “Slavica Petropolitana”).

Книга представляет собой строго научное историческое издание. Она включает в себя, помимо самого перевода памятника с латинского языка оригинала на русский (сделанного, отметим, впервые), обширный комментарий, словарь социально-политической терминологии, указатели имен, географических и этнических названий, библиографию, а также значительное по объему исследование, посвященное как проблемам происхождения и содержания «Летописи попа Дуклянина», так и истории ее изучения, т.е. судьбе памятника в науке.

Исследование, перевод и комментарий принадлежат перу выдающегося современного историка славянства, доктора исторических наук профессора С.В. Алексеева.

Сергей Викторович хорошо известен миру академической науки, а вместе с тем и широкой публике, фундаментальным трудом «Славянская Европа», посвященном периоду с V по VIII столетия.

«Летопись попа Дуклянина» вышла из недр исторического сознания славянства, пребывающего на первых стадиях становления и развития. По словам С.В. Алексеева, «собственно югославянская историческая традиция о периоде VII—XII вв. представлена, по сути, единственным памятником — “Летописью попа Дуклянина”». Генезис ее вызвал долговременную дискуссию в исторической литературе. Абсолютно адекватная и обоснованная позиция автора исследования такова: «При всех спорах о происхождении “Летописи”» С.В. Алексеев оценивает ее как «...памятник XII в., сохранившийся в латинском переводе со славянской “Книги готской”».

Частично «Летопись» может быть проверена другими, иностранными источниками, частично же она содержит уникальные известия, которые нигде более не встречаются. По словам С.В. Алексеева, «...состояние источников по истории сербов и хорватов времен становления ранней государственности создает как трудности, так и определенные выгоды для исследования. Трудности очевидны — недостаток информации обуславливает фрагментарность и гипотетичность любой исторической реконструкции... Выгоды очевидны менее, но не менее существенны. Полностью снимается одна из наиболее серьезных исторических “ловушек” — проблема “стержневого” источника, в свете которого историки нередко интерпретируют сведения всех остальных. Этот недостаток чаще всего присущ именно работам по раннегосударственным периодам, освещаемым обычно одним-двумя местными нарративами. Попытки использовать для истории сербохорватских земель в качестве такого источника “Летопись попа Дуклянина” делались не раз, но оказались заведомо непродуктивны. Именно они в немалой степени спровоцировали гиперкритику этого любопытного памятника. В итоге здесь редкий случай, когда историческая наука получает возможность воссоздавать картину раннегосударственной реальности сравнительно объективно и на основе синхронных источников. Случай тем более ценный, что речь идет о регионе, новейшая история которого менее всего может расположить ученого к объективности».

В связи с этим, «Летопись попа Дуклянина» не только имеет исключительное значение как памятник древней славянской исторической мысли, но также представля-

ет собой исторический источник огромной ценности — прежде всего, относительно процессов складывания ранней государственности у южных славян.

Выше уже говорилось о гиперкритическом отношении к уровню достоверности этого памятника. В частности, сербский историк Л. Йованович, черногорский филолог С. Миошкович, а также современный сербский ученый Т. Живкович считали «Летопись» поздним памятником. Т. Живкович относил ее к XIV веку.

Однако подобный подход к «Летописи», самое мягкое, не вполне обоснован, и С.В. Алексееву удастся фактически дезавуировать его.

Содержание памятника, повествующего о правлении десятков поколений династии Остролиловичей, общепризнанно делится на «легендарную» и «историческую части». С точки зрения С.В. Алексеева, структура их изучена неравномерно. Так, по его мнению, «структура... легендарной части исследована хуже, и предлагаются разные, подчас взаимоисключающие варианты». А это, в свою очередь, негативно влияет на оценку информационной ценности источника в целом и его достоверности в отдельных частях. Пусть «...легендарная часть “Летописи” представляет собой крайне сложное произведение, компилирующее различные элементы устной традиции в идейно ангажированное и подвергнутое заметным искажениям целое...» — это еще далеко не обесценивает перспектив изучения как “Летописи” в целом, так и лежащих в ее основе преданий как исторического источника. Исследователь делает далеко идущий вывод: «Представляется, что сравнительно рано зафиксированные, пусть и в весьма своеобразной форме, предания о южнославянских князьях IX—X вв. могут дать ценную информацию о социально-политической и культурной истории региона».

Этот вывод принципиально важен, и автор исследования подводит к нему с разных сторон, в частности, приводя аналогии и с английской, и с древнерусской исторической традицией. В целом ряде случаев изначально «варварское» общество, постепенно цивилизуясь, отказывается от древних преданий — от «дружинного эпоса», историй о «древних королях», «королевских саг» и т.п. — в пользу письменной истории; эта, последняя, как правило, возникает под влиянием христианской богословской традиции и, нередко, в том или ином виде, испытывает рецепцию античной греко-римской исторической мысли (или же исторической мысли более развитых в культурном отношении соседей); во всех вариантах это означает прививку высокой культуры к локальной исторической традиции; но родовые предания все-таки частично заимствуются новой, письменной историей для повествования о временах, когда ее самой еще не существовало. В исторической науке неоднократно ставился вопрос: можно ли им доверять хотя бы в самой малой степени? Или все же правильнее было бы воспринимать их как своего рода байки, порожденные младенческим сознанием народа, едва-едва приучившегося к простейшим формам государственности и цивилизации? Весьма часто ученые выбирали второй ответ как принципиальную позицию. Но С.В. Алексеев строит свое отношение к «Летописи попа Дуклянина» на принципиально ином методическом фундаменте. С точки зрения исследователя, принадлежность важного известия к устному периоду исторического сознания и его последующее, гораздо более позднее, включение в письменную традицию еще не могут априорно рассматриваться как доказательство его недостоверности. Вызывать вопросы по поводу *уровня достоверности* они неизменно будут — да конечно, это естественно; но *нет причин отвергать их без критического анализа*. Как минимум, они пригодны для изучения тех процессов, которые шли в национальном историческом сознании раннегосударственного периода.

Автор этих строк хотел бы подчеркнуть солидарность с названной методологической установкой С.В. Алексеева и рекомендовать ученым, исследующим общества аналогичного уровня развития, почаще обращаться к ней, отказываясь от малопродуктивной гиперкритики древних исторических нарративов.

Сведения об авторах и аннотации статей

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета. E-mail: ipo1972@mail.ru

Зарождение аристократии в славянском обществе: Древняя Русь и средневековая Сербия

Статья посвящена ранним этапам складывания аристократического класса в славянских обществах. На основе сопоставительного анализа данных об истории Древней Руси и средневековой Сербии делаются выводы о характере этого процесса.

Ключевые слова: средневековье, аристократия, славянские государства, Древняя Русь, южные славяне, Сербия.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, советник директора Российского института стратегических исследований, член Союза писателей России. E-mail: volodih@mail.ru.

Военная деятельность князя Александра Владимировича Ростовского, наместника псковского и новгородского

Статья посвящена военно-служебной деятельности высокородного аристократа-Рюриковича и выдающегося полководца на службе у великих князей московских Ивана III и Василия III — князя Александра Владимировича Ростовского. Особенно велика его роль в московско-литовских войнах конца XV — начала XVI столетия.

Ключевые слова: аристократия, военная элита, Московское государство, Великое княжество Литовское, Казанское ханство, Крымское ханство, военная история, внешняя политика.

Подчасов Николай Алексеевич — младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований. E-mail: nickpodchasov@yandex.ru.

Служилая биография князя Ф.М. Трубецкого как представителя военной элиты России второй половины XVI в.

Статья посвящена военно-служебной деятельности представителя родовитой старомосковской аристократии второй половины XVI столетия, князя-Гедиминовича и выдающегося военачальника на службе у царей Ивана IV и Федора Ивановича — Федора Михайловича Трубецкого.

Ключевые слова: аристократия, военная элита, Гедиминовичи, опричнина, военная история, местничество.

Гуларян Артем Борисович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Орловского государственного аграрного университета. E-mail: agularyan@yandex.ru

М.А. Стахович: Опыт политической биографии

Статья посвящена представителю высшего слоя российского провинциального дворянства Орловской губернии и крупному общественному деятелю конца XIX — начала XX столетия Михаилу Александровичу Стаховичу.

Ключевые слова: дворянство, земство, революция, Государственная дума, партия октябристов, либеральные реформы.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного универси-

тета им. М.В. Ломоносова, советник директора Российского института стратегических исследований, член Союза писателей России. E-mail: volodih@mail.ru.

Один из древнейших памятников южнославянской раннесредневековой историографии получил академическое издание

Рецензия на первый научный перевод с латинского языка на русский «Летописи попа Дуклянина».

Ключевые слова: Летопись попа Дуклянина, южные славяне, средневековая историография.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков. Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. При публикации материалов научных конференций допускаются варианты оформления научного аппарата, предусмотренные ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет по прошествии года с момента его печатной публикации, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: ipo1972@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович